

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Золотая ночь

**Мамин-Сибиряк Дмитрий
Наркисович
Золотая ночь**

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Золотая ночь

Из рассказов о золоте

I

- Ну, а я за вами... - говорил Флегонт Флегонтович, тяжело вваливаясь в мою комнату. - Одевайтесь и едем.

- Куда?

- Говорю: одевайтесь... У меня и лошадь у ворот стоит.

Флегонт Флегонтович был одет совсем по дорожному: в высоких охотничьих сапогах и в кожаной шведской куртке, с сумкой через плечо и даже с револьвером за поясом. Впрочем, он почти всегда щеголял в таком костюме, потому что в качестве золотопромышленника постоянно разъезжал по Уралу из конца в конец. Его приземистая широкоплечая фигура точно на заказ была скроена и сшита именно для такой беспокойной жизни, а широкое лицо с бронзовым загаром и лупившейся обветрелой кожей свидетельствовало о вечных странствованиях по лесам и болотам, несмотря ни на какую погоду. Окладистая, подстриженная русая борода, широкий рус-

ский нос, густые сросшиеся брови и улыбающиеся серые глаза придавали лицу Флегонта Флегонтовича типичный русский склад, хотя и с заметным оттенком той храбрости и "себе на уме", чем особенно отличаются все коренные сибиряки-промышленники. Говорил Флегонт Флегонтович часто и отрывисто, точно горох сыпал, и постоянно размахивал своими короткими жирными руками.

- Ну, что же вы еще стоите? Говорю русским языком: лошадь за воротами стоит...

- Куда же ехать-то?

- А какое у нас сегодня число? Двадцать седьмое апреля... Так? А через три дня что у нас будет? Не догадываетесь?

- Первое мая будет... но из этого еще ничего не следует.

- Ах, боже мой, да где же это вы живете? На луне, вероятно... Весь город ждет этого первого мая, как Христова дня, а вы вот тут сидите да мух ловите. Говорю: одевайтесь, а потом на лошадь и в дорогу...

- На заявку?

- Наконец-то догадались... Говорите спасибо, что заехал. Другого такого случая и не до-

ждаться.

- А далеко ехать?

- Ну, верст сто с хвостиком будет... на Причинку покатым, да!.. Небось, слышали уж о такой речке? Да, золото руками бери... Турфов всего пол-аршина вскрывать. Говорю: богатство!..

В подтверждение своих слов Флегонт Флегонтович сделал своей короткой рукой такой жест, каким капельмейстеры заканчивают пьесу. Косвенной причиной энергичной жестикуляции Флегонта Флегонтовича было и то, что он носил на обеих руках несколько хороших перстней. Мне давно хотелось побывать на приисковой заявке, а настоящий случай являлся тем интереснее, что заявка должна была совершиться в только что отведенной казенной Пятачковой даче, про которую давно ходили слухи, как о золотом дне. В частности, о речке Причинке шла громкая молва, и туда стремились десятки добычливых промышленников, как в своего рода Эльдорадо.

- Кстати, захватите с собой ружье - отличная тяга, - предупреждал меня Флегонт Фле-

гонтович, раскуривая дешевенькую сигарку. - Сплошной лес на шестьдесят верст. Лосей видимо-невидимо... Одним словом, прокатимся в свое удовольствие, а лично мне вы можете пригодиться в качестве свидетеля на случай спора по заявке.

Мои сборы были непродолжительны, благо лошадь стояла у ворот, а относительно провизии Флегонт Флегонтович озаботился заранее. Оставалось захватить кожан, на случай дождя, да ружье.

- А как погода, Флегонт Флегонтович? - спросил я, набивая походную сумку папиросами.

- В лучшем виде: тихо и ясно по барометру... Может, утренничек прихватит, ну, да это пустяки. А какие теперь ночи в лесу - роскошь! Нам ведь придется ночевать там, на Причинке-то... Пожалуй, шубу возьмите, если боитесь простудиться, а наше дело привычное. Совсем в лесу-то одичаешь, и как-то даже тошно делается, когда с неделю приходится проболтаться в городе. Уж этот мне ваш город...

У ворот нас дожидалась пара гнедых "кир-

гизов", заложенных в коробок. Кучер Вахромей сидел на козлах в широком татарском азяме и в триповом картузе. Это был старый слуга Флегонта Флегонтовича и его неизменный спутник. На вид Вахромею можно было дать лет пятьдесят: сторбленный, худой, с черной, как у жука, головой. Лицо было желто-бронзовое, косо поставленные глаза, волосы - воронова крыла; словом, он являлся выродком в славянской семье. Про таких черных выродков говорят, что их "цыгане потеряли". По характеру Вахромей принадлежал к самым молчаливым, сосредоточенным натурам, которые целый век бог знает что думают себе под нос.

- Эх, лихо прокатимся, - проговорил Флегонт Флегонтович, грузно влезая в коробок. - Вон погодье-то какое стоит...

Действительно, день был светлый и солнечный, с весенним холодком в воздухе. Наш коробок бойко покатился по широкой городской улице к Шарташскому озеру. Мелькали новые постройки на каждом шагу, и все на купеческую руку.

- Вон как у нас золото-то подымает людей, -

проговорил Флегонт Флегонтович с грустной ноткой в голосе. - Из грязи да прямо в князи так и лезем... Поторапливай, Вахромей, нам еще засветло нужно поспеть в Сосунки.

Вахромей не шевельнул даже бровью в ответ, но лошади сами собой прибавили рыси и дружно подхватывали наш легкий экипаж, покачивавшийся на ходу, как люлька.

II

Екатеринбург - бойкий промышленный город уже сибирского склада. Здесь нет чиновничества, как в других городах, дворянство не играет никакой роли, зато всем ворочают промышленники. Последнее особенно заметно по характеру построек: на каждом шагу так и лезут в глаза хоромины екатеринбургского "обстоятельного" купечества и целые дворцы разных воротил по части спирта, хлебной торговли, сала и разной другой благодати. Там и сям поднимаются новые постройки и все в том же неизменно-купеческом духе. Барина совсем не видно, за исключением двух-трех адвокатов да банковских дельцов, но и те начинают жить на купеческую руку, плотно и с расчетом. Сибирь не

знала крепостного права, и настоящие "господа" попадают туда только в качестве администраторов, на особых основаниях или по независящим обстоятельствам. Во всяком случае, вся Сибирь - промышленная, купеческая сторона, и Екатеринбург является ее первым аванпостом.

Наш коробок катился мимо богатых церквей, потом обогнул старый гостиный двор и по широкой плотине, с которой открывается почти швейцарский вид на загородные дачи, перебрался на другой берег довольно широкой реки Исети. С горки, от здания окружного суда, вид на город почти необыкновенный, в смысле "настоящей" Европы: широкий пруд окаймлен гранитной набережной; в глубине его тонут в густой зелени дачи; прямо - красивый собор, направо - массивное здание классической гимназии, налево - целый ряд зданий с колоннадами - это помещение горного управления. Сейчас же под плотиной пустующие корпуса упраздненного монетного двора и гранильной фабрики. Здание окружного суда в вычурном мавританско-готическом стиле. Впереди довольно порядочный бульвар,

здание городского театра, магазины и т.д. Словом, бойкий и веселый город, в котором жизнь бьет ключом. Было часа два пополудни, и нам навстречу попадались то и дело городские экипажи, извозчичьи дрожки, простые телеги и роспуски; по тротуарам сновал бойкий городской люд, спешивший по своим делам. Флегонт Флегонтович несколько раз раскланивался направо и налево и непременно комментировал каждую встречу.

- Видели на серой в яблоках? - шепотом спрашивал он. - Тоже на Причинку метит, да шалишь, не надуешь... Ха-ха! Это Агашков, Глеб Клементьич, проехал. А давно ли был яко благ, яко наг, яко нет ничего... Много их тут зубы точат на Причинку, только уж извините, господа, вам Флегонта Собакина не провести. Да!.. Будет и на нашей улице праздник... Так ведь?

- Конечно...

- Знаете, я верю в звезду, - заговорил Флегонт Флегонтович, глубже натягивая на голову круглую ратиновую шапочку. - Все игроки суеверны, а наша золотопромышленность самая азартная игра.

- Позвольте с вами не согласиться в этом случае...

- Но ведь я говорю о настоящих золотопромышленниках, понимаете, о настоящих... Да. Мало ли нашего брата плутов и мошенников, которые только прикрываются приисками. Я, дескать, золотопромышленник, а сам черт знает какими делами занимается. Э, да что тут толковать!.. Надеюсь, мы хорошо понимаем друг друга.

Мы выехали за город. Крутом было голо и желто. Трава еще не думала пробиваться, а березы стояли голыми метелками. Наш коробок мягко катился по укатанной глинистой дороге, забирая в гору. В стороне зеленел сосновый мелкий лесок.

- Стой! - крикнул Флегонт Флегонтович и, как мячик, выскочил из коробка на дорогу.

Спустившись в канаву, он набрал несколько камешков и вернулся с ними в экипаж.

- Вот не угодно ли вам полюбоваться, торопливо говорил он, рассматривая несколько кусков ноздреватого кварца. - Это что такое, по-вашему? Кварц... Какой кварц? Настоящий золотой кварц... Уверяю вас, что правда.

Уж эту музыку мы отлично знаем... Можете быть уверены, что мы сейчас едем по чистому золоту. Ей-богу! Бывает белый кварц, плотный, ну, тот нам не рука, хотя в нем попадаются самородки, а вот такой кварц с ноздринками да со ржавыми натеками - наверняк золото. Да ведь здесь кругом золото, куда ни поворачивись. Вон в Невьянске или в Верхнейвинске прямо в огородах золото копают...

Флегонт Флегонтович был замечательный человек в том отношении, что являлся представителем чистого искусства; он был тем настоящим золотопромышленником, который, кроме своего золота, ничего не хочет знать. Такими "настоящими" бывают только картежники да пьяницы. Это качество Флегонт Флегонтович ценил в себе и в других выше всего на свете и с этой точки зрения смотрел на целый мир. Записные охотники так же разбирают породистых кровных собак, выражаясь технически: "есть кровь" или "нет крови" в данной единице. Из купеческой семьи по происхождению, Флегонт Флегонтович выступил на широкое поле золотопромышленности с довольно кругленьким капиталцем,

который и закапывал несколько раз и несколько раз возвращал. Образования он никакого не получил, но сильно поошлифовался в пестрой среде золотопромышленников, где немалый процент составляют настоящие образованные люди или просто люди, выдавшие всякие виды.

Превращения, которым подвергался Собакин, были самые удивительные, и он то не имел гроша за душой, то катался на паре наотлет, что у нас служит самым верным признаком "дикой" копейки. Как умел он вывертываться в крайних случаях - один бог знает, но Флегонт Флегонтович продолжал верить в свою счастливую звезду и, в случае возникавших сомнений, постоянно указывал на примеры разбогатевших золотопромышленников, которых на Урале не занимать стать. Эта вера в свои силы являлась самой надежной опорой в тревожной жизни Собакина, который на свое настоящее всегда смотрел как-то сверху, как только на переходное состояние, за которым уже должно последовать настоящее житье. Мало ли людей на всевозможных поприщах утешаются подобными иллюзиями

и совершенно несбыточными мечтами, но они уже счастливы преисполняющей их энергией. Как за всеми отпетыми игроками, за Собакиным водились особенности: чем дела его были хуже, тем по наружному виду он казался спокойнее и веселее и просто сыпал самыми смелыми проектами и грандиозными надеждами. В настоящем случае, слушая рассказы Флегонта Флегонтовича о неистощимых сокровищах реки Причинки, я был уверен, что у него не было ни гроша за душой и он ставил ребром последнюю копейку. Это предположение совершенно оправдалось, когда мы разговорились о прошлом годе.

- Прошло лето я на севере работал, - рассказывал Собакин таким тоном, точно он заговорил о постороннем лице. - Далеко, за Богословскими заводами... Вот сторонка, скажу я вам! Особенно одолевали комары - житья от них нет, от проклятых. Если бы кто посмотрел на нас на работе - смех, точно маскарад какой... Ей-богу! У рабочих котелки с куревом за поясом, на рожах просмоленные сетки, а мы щеголяли в такой штуке, что и сказать смешно: сделаешь из картона круглую короб-

ку, проковыряешь в ней две дырочки, на голову наденешь, да так чучелом гороховым и бродишь по прииску. Ха-ха... Чисто как в театре! Только уж и тварь же этот комар, ей-богу, в тысячу раз хуже волка или медведя... Ну, работа у нас хорошо пошла, только шахту пришлось глубокую пробивать, а пробрили - вода одолела. Откачивать руками воду - сила не берет, а за паровой машиной надо к чертям на кулички ехать да еще тащить ее по болотам да по топям чуть не на своей спине. Побился-побился и бросил. Признаться сказать, дорогонько мне обошлось это удовольствие комаров-то кормить, ну, да вот, слава богу, эта самая Причинка подвернулась - все наверстаем. Главное, вот что забавно: хлопчем, бьемся, ищем золото черт знает где, за четыреста, за пятьсот верст, а оно под носом... Вот и подиты с нашим братом, толкуй!.. В четвертом году я опять в киргизской степи работал, верст за восемьсот унесло отсюда; ну, золото нашлось, и хорошие знаки, а как лето-то подошло - воды ни капли... Тут уж сжатым воздухом, говорят, нужно работать, а где я его возьму, этот самый сжатый воздух? Так и при-

шлось бросить... То вода долит, то без воды сидишь.

Относительно Причинки Флегонт Флегонтович питал самые розовые надежды и строил очень широкие планы, причем ссылался на имена очень веских лиц в купеческом мире, обещавших ему свое содействие, помощь, кредит и т.д. Из его слов получался такой вывод, что все предшествовавшие работы были только сплошным рядом всевозможных ошибок, но зато теперь он, Флегонт Собакин, достаточно умудренный тяжелым опытом, будет бить наверняка и уж маху не даст ни в каком случае.

- Одно меня удивляет, - философствовал он, пуская струйки табачного дыма, - как только деньги завелись у тебя, пошли дела на лад, откуда народ берется: тот приятель, другой друг, третий еще лучше того. Некоторые пеняют, зачем к ним за деньгами не обратился, когда нужно было. Один лучше другого... А как пошатнулись делишки, все и отвалит, как от покойника. Ей-богу! Меня лишь то удивляет, как это все успеют люди пронюхать да раззнать: сидишь в лесу, в трущобе, а явишься в

город - тут уж все известно, точно они по духу знают. Я не осуждаю, потому все мы люди че-ловеки, а только очень мне это удивительно кажется. И с другими то же самое.

III

По широкой заводской дороге мы проеха-ли всего верст пять и затем свернули влево, на какую-то лесную глухую тропу с едва за-метным колесным следом.

- Мы напрямки прокатим в деревню Сосун-ки, - объяснял Флегонт Флегонтович, - а там меня уж дожидается доверенный с партией, а другой доверенный тоже с партией ждет в Причинке. Настоящей дорогою ехать - крюк будет верст в десять, а лесом - рукой подать.

Наша "прямоезжая" дорога бойко вилась по лесистой равнине, постепенно понижав-шейся к северу. По сторонам дороги вставал редкий болотный сосняк, изредка попадались островки березняков и смешанный лес; следы хищнической работы человека попадались на каждом шагу, и на месте когда-то вековых вогульских лесов теперь едва сохранились жалкие остатки, точно арьергард разбитой армии. Кое-где и этот жалкий лес совсем ре-

дел, образуя широкие лысины - это были свежие поруби, где среди куч не успевшего еще покраснеть хвороста торчали без всякого плана сложенные поленицы веснодельных дров. Близость города с тридцатитысячным населением сказывалась в этой печальной картине разрушения, а там новые поруби и десятки свежих пней, и бессильно лежащие на земле вершины сосен, точно отрубленные головы.

Лес еще стоял на зимнем положении, несмотря на объявленную календарями весну. Ни сосна, ни ель еще не дали свежих побегов, а земля была покрыта прошлогодней высушенной бурой травой, из-под которой только кое-где сочилась вода да изредка пробивались красивые бледно-желтые цветы с зелеными мохнатыми ножками и усиками. В этом мертвом лесе, пожалуй, была своя поэзия, но непривычному человеку как-то становится в нем грустно и тяжело, как в пустом доме, из которого только что вынесли покойника. Даже говорливый и всегда веселый Флегонт Флегонтович заметно притих и, кажется, вздремнул под мерное покачивание нашего

гибкого экипажа. Впрочем, он скоро оживился, когда лошади начали спускаться в какой-то лог, по дну которого бурлила мутная речонка. В глинистом берегу было вырыто несколько ям правильной формы, вроде могил; две были совсем свежие, и вырытый песок еще не успел просохнуть, а другие были завалены хворостом.

- Ишь, старатели как землю роют, - любовно заметил Флегонт Флегонтович, опытным глазом рассматривая работу. - Точно свиньи ходили... Все золото ищут. Только и отпетый, скажу я вам, народ и дело свое ух как знают: продадут и выкупят. По всему Уралу таких вот шурфов сколько они в год сделают - миллионы. И найдут золото, уж поверьте мне! Где, кажется, и подумать нельзя, чтобы золоту быть, а старатель выкопал ямочку - глядишь, оно и полезло. Здесь по всем деревням уж такой народ живет, сызмальства около золота ходит. Взять хоть Сосунки, Причину, все деревнюшки по Ключевой и Сулатам, да вообще восточный склон Урала до самых степей. И плуты при этом страшные, надо им честь отдать, ну, да мудрено нашего брата и су-

дить - и мы им не пирогами откладываем.

На солнозакате мы выбрались на берег реки Ключевой, которая здесь была очень не широка - сажень пять в некоторых местах; летом ее вброд переезжают. Теперь на ней еще стоял лед, хотя на нем чернели широкие полыньи и от берегов во многих местах шли полосы живой текучей воды. Место было порядочно дикое и глухое, хотя начали попадаться росчисти и покосы; тропа, наконец, вывела на деревенскую дорогу, по которой мы и въехали в Сосунки, когда все кругом начало тонуть в мутных вечерних сумерках.

- Заворачивай прямо к Гавриле Иванычу, - приказывал Флегонт Флегонтович. - Мы у него заночуем.

Сосунки, деревушка дворов в двадцать, не поражала своей внешностью. Покосившиеся избы, дырявые крыши и развалившиеся огороды плохо рекомендовали ее обитателей, известных в городе и окрестностях под сокращенным названием "сосунят". Все отпетый был народ, промышлявший изо дня в день и никогда не знавший, чем будет сыт завтра. Кривая старинная улица, вдоль которой избы

рассажились, как гнилые зубы, вывела нас в центр деревни, где коробок и остановился у высокой избы с новыми воротами. На лай собак показались в окне две головы; ворота отворились, и мы въехали во двор, грязный и маленький, с какими-то трухлявыми развалинами вместо служб. Отворивший нам ворота мужик и был сам Гаврила Иванович, плешивый сторбленный старик в заношенной ситцевой рубаше, в пестрядинных портах и босиком.

- Ну, голова с мозгом, как дела? - спрашивал Флегонт Флегонтович, вылезая из коробка. - Где наши?

- Куда им деваться-то... - как-то нехотя отвечал Гаврила Иванович, моргая подслеповатыми крошечными глазками.

- Небось пьянствуют? Ох, чует мое сердечко, что все они лыка не вяжут, а завтра в поход надо... Утром рано надо, чтобы к обеду поспеть в Причину.

- Ничего, продыбаются дорогой, - коротко ответил Гаврила Иванович, поправляя ослабнувший на животе пояс. - Балованный народ ноне пошел, вот и пируют... Чай пить будешь,

Флегонт Флегонтыч?

- Конечно, будем чаевать. Пока лошади выстаиваются да пока есть будут, мы еще и выпастаться успеем... А где Метелкин?

- Да уж не знаю, как тебе и сказать... пожалуй, серчать будешь. Солдатка тут есть у нас, ну у ней и хороводится с нашими сосунками...

- Так и есть, так и есть!.. Ведь я же говорил русским языком, что буду сегодня непременно и чтобы ждали меня... Ах, ты, господи, согрешил я с ними!

- Как не ждать, до самых вечерень ждали... Ничего, Флегонт Флегонтыч, не сумлевайтесь, продыбаются. Дорога тоже не малая, продует...

Лицо у Гаврилы Ивановича было сморщенное и почти коричневое от работы на солнопеке; жиденькая бородка с пробивавшейся сединой украшала нижнюю часть лица какими-то клочьями, точно была усажена болотными кочками. Тонкий нос и свежие ровные зубы являлись на этом старческом лице резкой особенностью и совсем не гармонировали с опустившейся, точно расшатанной фигурой. Когда Гаврила Иванович начинал гово-

рить, густые черные брови у него поднимались и лоб покрывался тонкими морщинками. На первый раз старик не внушал к себе особенного доверия, видно было сразу, что этот мужик себе на уме.

- Золотая голова, - коротко отрекомендовал Собакин старика, когда тот отправился собирать гулявшую по деревне партию. - Конечно, пальца в рот не клади, зато и дело знает так, что комар носу не подточит... Лет пятьдесят золото роет и раза три уж в остроге отсидел за него.

По своему положению Сосунки были глухою лесною деревней, и можно было бы ожидать, что здесь все постройки будут из нового крепкого леса, но не тут-то было - все избы, как на подбор, глядели какими-то старыми грибами, и только в двух-трех местах желтели новые крыши и то из драниц, а не из тесу. Гаврила Иванович придерживался общего распорядка и проживал в очень старой избе, в которой по зимам, наверно, было страшно холодно. О надворных пристройках я уже говорил. В одном углу лежала худая корова и, закрыв глаза, сосредоточенно прожевывала

жвачку; у какой-то вросшей по уши в землю амбарушки рвалась на короткой цепи пестрая собачонка. Посредине двора стояла присковая таратайка - двухколесная тележка с откидным дном. Где перебивалась скотина зимой - я не мог отыскать подходящего места. Перед окном избы лежало два сухих бревна, точно обгрызенных с обоих концов, такие бревна из сухарника лежали и у других изб и заменяли "сосунятам" поленницы дров. В лесных глухих деревнях, где лес под боком и где, кажется, можно было бы запasti дров вовремя, все существуют "от бревна", то есть ребятишки или бабы отгрызут от бревна аршин, расколют - вот и целое топливо, а назавтра та же история. Между тем эти же "сосунята" поставляют в город ежегодно сотни сажен дров.

Внутренность избы Гаврилы Ивановича являлась как бы продолжением того, что было на дворе, - уж очень было в ней и пусто и голо, точно сюда семья переехала только на время. Для "золотой головы" такая странная обстановка была плохой рекомендацией. Нас встретили за порогом два белоголовых мальчика, которые сейчас же и забрались на пола-

ти. У печки возилась с самоваром, вероятно, сноха Гаврилы Ивановича, молодая, но очень худая женщина с землистым цветом лица; у окна с прялкой сидела какая-то старуха в синем изгребном дубасе и, не торопясь, тянула бесконечную нитку.

- Здравствуй, баушка, - поздоровался Флегонт Флегонтович. - За вашим золотом вот приехал...

- В добрый час, Флегонт Флегонтыч... Наше золото никому не заказано, милый человек. Только вот сосуны-то наши третий день пируют без тебя, и Степка наш тоже.

- Слышал, баушка.

- Вечор жену принялся было поленом охаживать, едва отняли бабенку... Это ваше золото самое, Флегонт Флегонтыч, нашей сестре больно дорого приходится: скружились с ним наши-то мужики, совсем скружились...

Когда поспел самовар, в избу вошел Гаврила Иванович; он что-то ворчал про себя и сердито плюнул в сторону.

- Ну что? - коротко спросил Флегонт Флегонтович, ставя на стол налитое чаем блюдечко.

- Не спрашивай... Как тараканы, все по деревне расползлись, способу никакого нет. Ну и народ... Степушка-то мой увязался за твоим Метелкиным, ну, я ему немножко тово, в затылок насыпал, чтобы помнил отца-то. А он одно мелет: "Тятенька, я рупь за каждый день получаю и могу себя уважить"... Помешался парень на рубле, да и другие тоже. Оно точно, что любопытно рубли-то получать, на боку лежа, вот и спятили все с ума.

- Ох, уж мне эти ваши сосунки! - стонал Флегонт Флегонтович, патетически хватаясь за голову. - Платишь им поденщины по рублю, а они только пьянствуют...

- А по другим местам разве лучше нас? - заступился Гаврила Иванович, подсаживаясь к самовару. - Взять хоть ту же Причину, да эти причинные мужики с кругу спились, потому уж такая рука им подошла: народ так и валит на Причинку, а всем надо партию набирать; ну, цену, слышь, и набавили до двух целковых. У тебя в Причине тоже ведь партия ждет?

- Партия, Гаврила Иваныч... Там мой компаньон Пластунов всем орудует. Не знаю уж,

как он там с причинными мужиками поправляется.

- Бог не без милости, Флегонт Флегонтыч...

Все время за чаем разговор продолжался в том же тоне, причем Флегонт Флегонтович сильно волновался, размахивал руками и несколько раз принимался ругаться на чем свет стоит - ругаться в пространство, чтобы только душу отвести. На дворе давно стояла весенняя голубая ночь с высоким молодым месяцем; где-то лаяла собака и слышался смешанный гул пьяных голосов. В нашей избе горел сальный огарок, тускло освещая неприглядную внутренность избы Гаврилы Ивановича: передний угол, оклеенный остатками обоев, с образом суздальской работы; расписной синий стол с самоваром, около которого сидела наша компания; дремавших около печки баб, белевшие на полатях головы ребятшек, закопченный черный потолок, тульское ружье на стенке с развешанным около охотничьим прибором и т.д.

- Ты бы прилег, касатик, на лавочку да соснул малость... - проговорила старуха, обращаясь ко мне. - Утре рано подымутся.

Мне оставалось только воспользоваться хорошим советом, потому что сон действительно начинал сильно одолевать. Я примостился на лавочку, положив под голову пальто, и скорехонько заснул тяжелым крепким сном, каким спится только в дороге. Пахло чем-то кислым и смазанной дегтем кожей; в дверь постоянно входили и выходили; по стенам и потолку мигали широкие тени; где-то далеко-далеко, точно под землей, пропел петух... Дальше уже все смешалось: Флегонт Флегонтович кого-то опять ругал и несколько раз выскакивал на улицу, кто-то и в чем-то оправдывался слезливым голосом, потом был какой-то шум, точно в избу Гаврилы Ивановича вносили тяжелый рояль.

IV

Рано утром на другой день, еще "на брезу", мы оставили Сосунки. Весеннее холодное утро заставляло неприятно вздрагивать, и я напрасно кутался в свое осеннее пальто - чисто весенняя изморозь так и пронизывала насквозь, заставляя зубы выделять дробь. Переход из теплой избы на мороз, когда хотелось спать мертвым сном, делал наше путе-

шествие очень неприятным.

- Мы теперь на Причину поедem прямыми дорогами, - объяснял Собакин, отчаянно зевая. - И во времени расчет, да и рабочим меньше соблазна в лесу.

- А далеко будет?

- Да верст сорок с хвостиком...

Ездить прямыми дорогами было слабостью Флегонта Флегонтовича, привыкшего шататься по всевозможным лесным трупам, и другим оставалось только покориться этой слабости, хотя Гаврила Иванович, кажется, предпочитал сделать объезд.

Сосунки скоро остались позади с своими гнилыми избушками, и мы поехали вниз по течению Ключевой, по довольно торной дороге, с которой свернули в лес. На облучке нашего коробка, рядом с молчаливым, как пень, Вахромеем, поместился Гаврила Иванович, надевший толстый чекмень и заношенную баранью шапку. За нами полз маленький обоз с партией, то есть две телеги, из которых на одной везли провиант и инструменты, а на другой рабочих. Последняя телега представляла самую живописную картину, точно

нагружена была телятами: не проспавшиеся со вчерашнего хмеля "сосунята" сидели в самом тяжелом молчании и только в такт попадавшимся выбоинам и кочкам болтали свешенными из-за телеги ногами. Метелкин, неопределенных лет человек, в одном плисовом пиджаке и в ярко-красном шарфе на шее, шагал за телегой по стороне, стараясь согреться ходьбой. Издали я мог прежде всего рассмотреть нетвердую разбитую походку; черная поярковая шляпа открывала бледное чахоточное лицо с черными большими глазами, большим носом и редкой козлиной бородкой. Флегонт Флегонтович по временам оглядывался на своего провинившегося поверенного и улыбался.

- Продыбаются, Флегонт Флегонтыч, - ответил на эту улыбку Гаврила Иванович, тоже наблюдавший наш обоз. - Оно по холодку-то даже вот как преотлично... Вон как Метелкин-то наш задувает.

- Ведь вот какой народец! - заговорил Флегонт Флегонтович. - На маковую росинку ничего нельзя поверить, хоть того же Метелкина взять... Который год я с ним маюсь, а без

него не могу - и привык, да и дело свое он отлично знает.

- Простудится он в одном пиджаке.

- Метелкин-то? Да он в этом пиджаке зимой верст по сорока уходит, а теперь ему что - шутка... Ничего его не берет, такой уж человек. А сосунята-то, нечего сказать, хороши, только головами мотают...

С каждым шагом вперед мы забирались в настоящую лесную пустыню, где не встретишь жилья на расстоянии шестидесяти, даже восьмидесяти верст, за исключением двух-трех лесных кордонов. Лес делался выше, наша дорога превратилась в едва заметную тропу с заросшей колеей. Из лесных пород господствовала сосна, лишь изредка попадались березовые да осиновые гривки. Меня особенно поражало необыкновенное количество попадавшегося в лесу валежника и стоявших листовенных сухарин. Ель совсем не попадалась, хоть на Урале в таких болотистых низменностях обыкновенно растет самый дремучий ельник. Гаврила Иванович объяснил, что в допрежние времена здесь все рос сплошной ельник, а потом был пожар, и после пожара

пошла вот сосна да березняки. Громадное количество валежника объяснялось тоже старым лесным пожаром.

- Дикая сторона была совсем, - пояснил Гаврила Иванович, точно теперь стояла не та же лесная глушь, едва тронутая человеческим жильем.

Пятачкова казенная дача занимает широкую и болотистую низменность в двести тысяч десятин; широким краем она уперлась в речку Ключевую, а к северу вышла неправильным углом. На всем пространстве этой дачи встречается только одна небольшая возвышенность - гора Липовая, что в таком близком соседстве с главной массой Уральского кряжа является очень странным. Обыкновенно все подгорья, особенно восточный склон Урала; усеяны отрогами и гористыми возвышенностями. Пятачкова дача являлась каким-то исключением. Десятки болотистых озер и "озеринок" попадаются на каждом шагу, давая начало десяткам болотистых речунок, которые постепенно сливаются в три главных реки - реку Ключевую, Малый и Большой Сулат. Наделавшая шуму речка При-

чинка была притоком Большого Сулата в том месте, где он делал широкую петлю на север, а потом круто поворачивал к юго-востоку; на стрелке, где сливались эти реки, стояла деревушка Причина, куда мы теперь ехали. Население Пятачковой дачи, за исключением двух-трех лесных кордонов, жалось по краям, и только несколько починков и деревушек рассажалось по течению Ключевой и обоих Сулатов. До сих пор Пятачкова дача служила только запасом горючего и строевого материала, специально для казенных горных заводов, а теперь, с постепенным упразднением казенного производства, она пустовала лет десять, пока золотопромышленники не выхлопотали доступа в нее. Сложилось что-то вроде басни о скрытых сокровищах Пятачковой дачи, и сюда теперь устремились сотни предпринимателей с желанием выхватить лучшие куски.

Мы проехали верст пятнадцать; совсем рассветало, но солнце не показывалось - день наступил серый и с легким ветерком, игравшим по вершинам сосен. Наш обоз растянулся на полверсты, и мы часто теряли из виду

следовавшие за нами подводды. Обогнули заросший кустарником низкий берег какого-то озера, переехали выбегавшую из него безыменную речонку, причем лопнул тяж у нашего экипажа. Произошла небольшая остановка. Кучер Вахромей утрюмо выругался и без всякой причины полоснул хлыстом щеголевато перебиравшую ногами пристяжную. Гаврила Иванович помог наладить случившуюся поруху и, когда мы тронулись в путь, не сел на облучок, а зашагал мерными мужицкими шагами по стороне. По дороге он сорвал веточку рябины и принялся ее жевать, сплевывая накоплявшуюся во рту горечь тоненькой струйкой сквозь зубы, как плюют цивилизованные кучера и лакеи.

- Здесь не ускочишь, Флегонт Флегонтыч, - говорил он, догоняя нас тяжелой рысцей. - Мочежинки все пойдут, а летом в ненастье здесь такие пачки да зыбуны стоят - не приведи господи.

Пачками и зыбунами называют на прямоезжих дорогах такие места, где экипаж и лошадей вязкая почва совсем засасывает, так что их приходится добывать бастрыгами. Те-

перь земля еще не совсем растаяла, и в "сумнительных" местах только подозрительно покачивало, точно экипаж ехал по какому-то подземному нарыву, который вот-вот лопнет. В одном месте шумно сорвался матерый глухарь и стрелой, низко и тяжело полетел в самую чащу, точно брошенный сильной рукой тяжелый камень; затем спугнули несколько рябчиков и до десятка дупелей. По сторонам без конца вставали все те же сосны, попадался тот же валежник; где-то далеко куковала кукушка. Сосновая хвоя глухо шумела, когда набегал ветерок, а потом опять наступила мертвая, тяжелая тишина.

- Сказывают, Дружков проехал на Причину, - неожиданно проговорил Вахромей, нарушая царствовавшую тишину.

- Кто сказывает-то? - вскипел Флегонт Флегонтович, выпуская из зубов дымившуюся сигару.

- Да люди сказывают... Ночью прямыми дорогами проехал Дружков, а час места и Кривополов.

- Что же ты, идол, молчал до сих пор... а? Где ты раньше-то был... а?.. "Сказывают... ска-

зывают..." Тьфу!.. С партией проехали?..

- Сосунята видели...

- Господи, а мы-то ползем... Гаврила Иванович, слышал?.. И ты, поди, тоже слышал про Кривоколова и молчишь?..

- Оно, точно, болтали промежду себя, Флегонт Флегонтыч... - уклончиво ответил Гаврила Иванович, стараясь шагать в стороне от нашего экипажа. - На четырех подводах, болтают, Дружков проехал, а потом уж Кривополов.

- О господи... За чьи только грехи я мучусь с вами?! - яростно возопил Флегонт Флегонтович, поднимая руки кверху, как трагический актер. - Ну, Вахромей молчит - у него уж такой характер, всегда пень пнем, а ты-то, ты-то, Гаврила Иваныч?!. Ведь я на тебя, как на каменную стену, надеюсь! Что мы теперь будем делать, если они опередят нас?.. Ну, говори?.. Кто их проведет прямой-то дорогой?

Гаврила Иванович только жевал губами и несколько раз поправил свою баранью шапку: дескать, "вот вышла же этакая оказия, в сам-деле"...

- Может, заплутаются еще по лесу-то, Фле-

гонт Флегонтыч, - проговорил, наконец, старик в свое оправдание. - Тоже дивно места надо проехать, а дорога вон какая... не ускочишь. Ей богу, Флегонт Флегонтыч, не сумлевайтесь.

- Идолы вы, вот что! "Не сумлевайтесь!" - кричал Флегонт Флегонтович, размахивая руками. - Это мы дурака-то валяем, а небось, Кривополов с Дружковым опередили нас... Ах, господи, вот еще наказанье-то!..

Чтобы сорвать на ком-нибудь свое расхлывшееся сердце, Флегонт Флегонтович накинулся на Метелкина, причем с логикой расхлывшегося человека всю вину взвалил на него, потому что, если бы он, Метелкин, держал партию в порядке и сам не пьянствовал, тогда мы вчера бы еще в ночь отправились в Причину. Метелкин отмалчивался с виноватым видом, что еще более сердило Флегонта Флегонтовича.

- Ведь вот нар-родец... - проговорил Флегонт Флегонтович, устало откидываясь на спинку экипажа. - Слышали? Все хороши... А между тем... Уж я не так бы распек Гаврилу Иваныча, да теперь нельзя - от него все зави-

сит. Пожалуй, еще рассердится да бросит в лесу, тогда хоть назад ворочайся. Признаться сказать, местечко-то у нас на Причине уж давненько присмотрено, теперь только его взять остается... Есть в Причине один мужик, так он совсем бросовый - Спирька Косой. Ну, через этого Спирьку мы на место натакались... собственно, Гаврила Иваныч. Конечно, и Спирьке и Гавриле Иванычу благодарность известная, ну, уж это у нас такой порядок, вроде награды выдаем за хорошее место. Вот я и того, боюсь ссориться с Гаврилой-то Иванычем, потому - нужный человек. А все-таки, согласитесь, какой народ: все слышали и молчат... Уж сумеют напакостить. Да... Какую цену дерут с нас за эту ночь вот простые этикие мужики, вон головами-то болтают, которые на задней телеге, потому - чувствуют, что без них нельзя...

У Собакина, как и у многих других, была слабость сделать дело не как другие делают, а наособицу, при помощи какого-нибудь нужного человека. У него всегда был на примете такой человечек, и он надеялся именно на него. Это было своего рода суеверие, но золо-

топромышленники не отличаются отсутствием предрассудков и всегда рассчитывают все приметы: тяжелые и легкие дни, встречи, сны и т.д. К числу таких предрассудков можно отнести и слепую веру в разных особенных человечков, через посредство которых можно сразу ухватить настоящий кус. Конечно, в подтверждение приводится масса соответствующих примеров: такому-то указал место башкир, а такому-то пьяница-старатель, ну, отчего же и Спирька Косой не мог облагодетельствовать?.. Может быть, это опозитизированная точка зрения на жизнь вообще, и, вероятнее всего, такая вера выработалась самой жизнью, когда завтрашний день вечно стоит вопросительным знаком.

- Вам-то все это смешно, а мы даже очень хорошо знаем все эти приметы... да-с! - говорил Собакин с уверенностью испытавшего человека. - Я даже записывал эти приметы, и все выходило по ним.

- Отчего же в Америке, например, золотопромышленники обходятся без примет, а надеются только на свои знания и на энергию?

- Э, батенька... славны бубны за горами. На-

верно, и у них свои приметы есть... Уж извините, чтобы так, простону, нет, что-нибудь да есть... Конечно, оно глупо немножко верить, что вот заяц перебежит дорогу - и кончено, а если оно так выходит...

В подтверждение своих слов Собакин рассказал несколько самых убедительных случаев, когда стоило перейти дорогу попу, бабе или перебежать зайцу - и самое верное дело провалилось.

В одном месте нашу дорогу пересекла свежая колея. По внимательном исследовании было решено, что это проехала какая-то присковая партия на четырех подводах: след вел от Причины, что много успокоило Флегонта Флегонтовича - все-таки одним конкурентом меньше.

- Может, это Кривополов по лесу блудил? - спрашивал он Гаврилу Ивановича.

- Наверно, он...

Местность кругом мало изменялась - все тот же болотный сосняк, изредка рыжие полянки, потом болотные кочки, валежник и таявшие лужи воды. Переправились через несколько мелких речонок, потом обогнули

какое-то широкое озеро с полыньями посредине; небо начало проясняться, и все кругом делалось светлее. Попало еще несколько следов, оставленных проехавшими партиями, но теперь они уже не обратили на себя такого внимания, как раньше, - деревушка Причина была близка, и все были заняты мыслью, что теперь там делается: что Пластунов, что Спирька Косой, что другие золотопромышленники.

- Мы в Причине только самую малость опнемся, а потом опять в лес, говорил Собакин. - Мне нужно не упустить Спирьку, а то как раз кто-нибудь другой перехватит его... Тьфу!.. Ах, проклятый!.. Тьфу!.. тьфу!..

Со стороны выкатил русак, присел, поднял уши и мягкими прыжками, точно он был в валенках, перекошил нам дорогу. Флегонт Флегонтович даже побледнел от проклятой неожиданности...

V

Причина, как и Сосунки, представляла собой глухую лесную деревушку дворов в тридцать; она стояла совсем в лесу, и трудно было сказать, что заставило ее обитателей выбрать

такую страшную глушь. Постройки были старые и разбрелись по берегу речонки Причинки без всякого порядка, точно эти избы были разметаны ветром. Как и в Сосунках, народ здесь тоже жил "от бревна", промышляя охотой, рыбой и золотом. Около изб кое-где стояли городские экипажи и простые телеги - это все были наши конкуренты. Гаврила Иваныч сразу насчитал больше десятка партий.

- Вот и извольте тут... - в отчаянии проговорил Флегонт Флегонтыч. - Уж чуяло мое сердце...

Мы остановились у крайней, очень плохой избышки, в которой жил Спирька Косой. Наш приезд взбудоражил всю деревню - поднялись собаки, в окнах мелькнули наблюдавшие за нами физиономии, за ворота выскочили посмотреть на приехавших какие-то молодые люди в охотничьих сапогах и кожаных куртках. Какая-то толстая голова кланялась из окна Флегонту Флегонтовичу и старалась что-то выкрикнуть, приставив руку ко рту трубкой.

- А, чтобы тебя черт взял... - ругался неприятно пораженный Собакин. Это Кривополов...

вот тебе и заплутался!

Нас встретил доверенный Флегонта Флегонтовича - Пластунов, совсем еще молодой человек с рыжеватыми усиками; характерное и сердитое лицо, умные холодные глаза и свободная манера держать себя производили на первый раз довольно выгодное впечатление; очевидно, молодой человек пойдет далеко и, вероятно, недаром пользовался таким доверием Флегонта Флегонтовича. Около избы, на завалинке, сидело человек пять рабочих - это была вторая партия. Из избы доносились какие-то хриплые крики и крупная ругань.

- Ну что? - спрашивал Собакин своего доверенного.

- Пока ничего особенного... - уклончиво ответил Пластунов. - Третьи сутки вытрезвляем Спирьку. Пьянствовал целых две недели...

- Где же он деньги брал? Ведь я ему обещал после заявки четвертную... странно.

- Должно быть, обманул кого-нибудь из золотопромышленников, - объяснял Пластунов. - Теперь у них это везде идет: одно и то же место в трои руки продают. Заберут задатки и пьянствуют...

Это известие сильно встревожило Собакина, потому что под пьяную руку Спирька мог сплавить заветное местечко кому-нибудь другому... Во всяком случае, получалась самая скверная штука.

- Да вот сами посмотрите на него, в каком он виде, - предложил Пластунов, показывая глазами на избу.

Двора у Спирькиной избы не было, а отдельно стоял завалившийся сеновал. Даже сеной и крыльца не полагалось, а просто с улицы бревно с зарубинами было приставлено ко входной двери - и вся недолга. Изба было высокая, как все старинные постройки, с подклетью, где у Спирьки металась на цепи голодная собака. Мы по бревну кое-как поднялись в избу, которая даже не имела трубы, а дым из печи шел прямо в широкую дыру в потолке. Стены и потолок были покрыты настоящим ковром из сажи.

- Уж я предоставлю... верно!.. - орал кто-то, лежа на лавке. Предоставлю... на, пользуйся. А кто руководствовал? Спирька Косой... верно...

- Перестань ты грезить-то, - попробовал

усовестить Гаврила Иванович. Ишь, до чего допировался!

- Родимый, Гаврила Иваныч, руководствуй, а я предоставляю... верно! орал Спирька, с трудом поднимая с лавки свою взлохмаченную черную голову.

- Хорош, нечего сказать... - брезгливо заметил Собакин, разглядывая своего верного человека.

Приземистая широкая фигура Спирьки, поставленная на кривые ноги, придавала ему вид настоящего медведя. Взлохмаченная кудрявая голова, загорелое, почти бронзовое лицо, широкий сплюснутый нос, узкие, как щели, глаза, какая-то шерстистая черная борода - все в Спирьке обличало лесного человека, который по месяцам мог пропадать по лесным тущобам.

- Сконфузил ты нас, Спирька, - заговорил Гаврила Иванович, придерживая валившегося на один бок Спирьку. - Вот и Флегонт Флегонтыч очень даже сумлеваются.

- Флегон Флегоныч... родимый мой... ах, господи милостливый... я? Предоставлю, все предоставляю...

- А на какие ты деньги пировал? - допрашивал Собакин. - Ведь я все знаю... Ну, скажывай: обещал еще кому-нибудь местечко-то?

Спирька долго смотрел куда-то в угол и скреб у себя в затылке, напрасно стараясь что-нибудь припомнить; две последние недели в его воспаленном мозгу слились в какой-то один безобразный сплошной сон, от которого он не мог проснуться. Он несколько раз вопросительно взглянул на нас, а потом неожиданно бросился в ноги Собакину.

- Флегон Флегоныч... ради Христа, прости ты меня... омманул... ох, всех омманул! - каялся Спирька, растянувшись на полу. - У всех деньги брал... Я прошу, а они дают. Омманул всех, Флегон Флегоныч... а тебе одному все предоставлю... владай... твои счастья...

Собакин выругался очень крупно и вышел из избы. О самоваре и других удобствах нечего было и думать, потому что у Спирьки, кроме ружья да голодной собаки, решительно ничего не было.

- Карауль его, как свой глаз, а я его уже вытрезвлю, - говорил Флегонт Флегонтович Пластунову. - Надо скорее отсюда выбираться, по-

ка до греха... Ну, Спирька, подвел!

- Ничего, Флегонт Флегонтыч, - успокаивал Гаврила Иванович, - разве один наш Спирька такой-то, все они на одну колодку теперь. А что насчет местечка, так Спирька тоже себе на уме: на ногах не держится, а из него правды-то топором не вырубешь...

Это было плохое утешение, но, за неимением лучшего, приходилось довольствоваться им. Расчет Флегонта Флегонтовича выехать сегодня же из Причины тоже не оправдался за разными хлопотами и недосугами, а главное, потому, что партии все прибывали и все упорно следили друг за другом. Нужно было переждать и вывести стороной, кто и куда едет, сколько партий, какие вожаки и т.д.

- Заварилась каша, - с тяжелым вздохом проговорил Флегонт Флегонтыч, еще двое суток ждать, а уж теперь семнадцать партий набралось... К первому-то числу что же это будет... И зачем прет народ, просто ошалели... Ну, да и мы тоже не лыком шиты, может, и перехитрим других прочих-то.

Вместо того чтобы только "опнуться" в Причине, как предполагал Флегонт Флегонто-

вич, нам пришлось "промаячить" в этой труппе целых двое суток, вплоть до самой ночи на первое мая, когда должна была решиться участь всех. От нечего делать я ходил на охоту и присматривался к окружавшей меня пестрой картине. Деревня теперь превратилась в какой-то табор или в стоянку какого-то необыкновенного полка. За неимением места в самой деревне, выросли отдельные таборы в окрестностях, что делалось очень просто: поставят несколько телег рядом, подымут оглобли, накроют их попонами - вот и жильё. На земле горит огонек, бродят спутанные лошади, на телегах и под телегами самые живописные группы - вообще жизнь кипела. Все эти городские, невьянские, тагильские, каменские и многие другие "ищущие золотого бисера" перемешались в одну пеструю кучу. Набралось около двухсот человек, и даже явилась полиция для охранения порядка и для предупреждения могущих возникнуть недоразумений. Но пока все было тихо и мирно, даже больше чем мирно - все успели перезнакомиться и, под видом доброжелательной простоты, старались выведать друг у друга

кое-что о планах и намерениях на первое мая.

Флегонт Флегонтович при помощи разных нужных человечков успел разузнать всю подноготную, по крайней мере старался уверить в этом, и держал себя с самым беззаботным видом, как человек, у которого совесть совершенно спокойна и которому нечего терять.

- Еще веселее будет в компании-то, Нил Ефремыч, - добродушно говорил он своему благоприятелю Кривополову, который постоянно ходил по гостям из одной избы в другую. - Это кто не с добром приехал, а нам что - милости просим...

- На людях-то и смерть красна, Флегонт Флегонтыч... - отвечал Кривополов, жмуря свои и без того узкие глаза.

Этот Кривополов был очень интересный тип, как переход от русского к монголу; приятели называли Кривополова "киргизской богородицей" за его скуластую сплюснутую рожу с узким, скошенным назад лбом и широким носом. Волосы он стриг под гребенку и носил маленькую кругленькую шапочку, точно всегда был в ермолке. У Кривополова где-то были довольно богатые прииски, поэтому

он совершенно безнаказанно мог кутить и безобразничать по целым месяцам. Друг и приятель Кривоколова, седой, толстый старик Дружков, являлся точно его половиной - они везде попадали как-то вместе и вместе "травили напропалую". К этим неразлучным друзьям присоединился высокий рыжий хохол Середа, бог знает, какими ветрами занесенный на Урал; он молча ходил за Кривоколовым и Дружковым, пил, если приглашали, и под нос себе мурлыкал какую-то хохлацкую песенку. Говорили, что Середа только еще разнюхивает дело в качестве агента от какой-то очень сильной иностранной компании. Когда к нему приставали с допросами, он только отмахивался и говорил приятным грудным тенором:

- Та я ж ничего не знаю, что говорят... А никакой компании нет. Якая там бисова компания? Пранцеватое ваше золото... нэхай ему лищечко буде.

Впрочем, пил Середа мастерски и не прочь был в картишки "повинтить", почему и сошелся на короткую ногу с Кривоколовым и Дружковым, которые могли играть без просы-

пу хоть неделю.

Из числа других золотопромышленников выдавались Агашков Глеб Клементьевич и курляндский немец Кун. Они и держались наособицу от других, как настоящие аристократы. Агашков славился как скупщик краденого золота; у него были свои прииски, но только такие, которые служили для отвода глаз, то есть воровское золото записывалось в приисковые книги как свое, и только. Такие дутые прииски на Урале почему-то называются бездушными. Фигура у Агашкова была самая подкупающая: благообразный "низменный" старичок с самой апостольской физиономией - окладистая бородка с проседью, кроткие серые глаза, тихий симпатичный голос и вообще что-то такое благочестивое и хорошее во всей фигуре, кроме длинных рук, которыми Агашков гнул подковы и вколотил в гроб уже двух жен. Особенных художеств за Агашковым не водилось, а жил он как праведник, неукоснительно блюл не только посты, но даже среды и пятницы, был богомолен свыше всякой меры, иногда по двенадцатым праздникам становился на левый клирос и подпе-

вал самым приятным стариковским тенорком, и больше всего любил побеседовать о божественном, особенно что-нибудь позабористее. Кун был лицо новое на Урале, но уже крепко основался и пустил корни. Представительный, всегда прилично одетый, он держался джентльменом; подстриженные усы и эспаньолка делали его моложе своих лет. Как настоящий немец, он никогда не расставался со своей сигарой, с которой точно родился. Кун и Агашков, кажется, сошлись между собой и все держались вместе.

- Спарились, идолы, - коротко объяснил Флегонт Флегонтович. - Только кто кого у них надует: тонок немец, а и Глеб Клементичу тоже пальца в рот не клади.

Из других золотопромышленников, заблуждавшихся лично заявиться на место действия, никто особенно не выдавался, кроме "бывших": и бывший мировой посредник, и бывший дореформенный заседатель, и бывший становой, и бывший судебный пристав, и бывший педагог, и бывший музыкант, и еще бывшие бог знает где и бог знает чем, но непременно бывшие, что и было видно сразу

по остаткам барских замашек и костюмам, в манере держать себя, в прононсе с оттяжкой и шепелявением. Эти бывшие - в большинстве неудачники, которым не повезло и которые явились сюда еще раз испытать одну лишнюю неудачу. Они так уж и держались вместе, поглядывая на остальных свысока: дескать, если бы вы, господа, видели нас в прежние-то времена, когда... гм!.. черрт поберр-и!

Отдельной артелькой сбилось несколько раскольников из Невьянска и из Ревды, угрюмый и неприветливый народ, глядевший на всех остальных никониан исподлобья. По костюму - купечество средней руки, может быть, какие-нибудь прасолы и скотогоны или гуртовщики. Крепкий народ и держит себя оригинально, хотя сильно смущается табачным дымом. Особенно хорош был один седой сердитый старик, точно весь высеребренный.

- Уж этаким старикам на печке бы сидеть да грехи свои замаливать, ворчал Собакин несколько раз. - А тоже золота захотел.

- Нэхай покопае - лишние гроши и проко-

пае, - равнодушно цедил Середа, не обращаясь, собственно, ни к кому.

- Только мешаться под ногами будет, старый черт... Еще где-нибудь задавят в суматохе-то, а то сам завалится куда-нибудь в ямку и подохнет, не унимался Флегонт Флегонтович.

Из "бывших" на некоторое время привлекали общее внимание двое отставных военных - ташкентский майор и какой-то сомнительный кавказец. Очень подержанные, очень нахальные и очень жалкие в своем гражданском виде, они держали себя с видом людей, которым уж и терять ничего не осталось. Вот у этих сомнительных воинов и возникло какое-то недоразумение специального характера, что-то вроде вопроса о чести мундира; может быть, это были старые счеты, но недоразумение перешло в крупный разговор, потом в ссору и, наконец, заключилось вызовом на дуэль. Дуэль в деревне Причине - это одно уж чего-нибудь стоило... Но вся буря кончилась ничем, потому что не оказалось соответствующего оружия: собранные со всего стана револьверы оказались разных мастеров и разных калибров.

Остальная "публика" состояла из разных доверенных и просто приказчиков, посланных сделать заявки непременно на Причинке. Это был все народ подневольный, не имевший самостоятельного значения, хотя и представлял собой громкие имена уральских богачей.

- Удивляюсь, что это от Могильниковой никого нет! - несколько раз повторял Флегонт Флегонтович, наводя справки о прибывших партиях. - А они должны быть здесь... То есть, естественно, сама она не поедет, а доверенного пошлет. Уж тут недаром, не такая баба, чтобы маху дала. Пробойная баба, одним словом... Только что у нас будет - одному богу известно. Слышали: Агашков заводских лошадей выставил до самого Екатеринбурга, чтобы опередить всех с заявкой. И Кун тоже, и Кривополов...

- А вы как?

- Мы?.. Мы малыми дорогами их обгоним всех... Хе-хе! Тут ведь дороги каждые десять минут... да. Я Пластунова пошлю верхом о двуконь, по-киргизски... Эх, жаль, у меня Воронка не стало! Вот была лошадь, скажу я

вам, - золото, клад... На ней я сам по сту верст верхом делал на проход. Если бы жива была, сам на ней поехал бы с заявкой... А мужичье-то, причинные-то мужики, что выделывают - слышали?

- Пьянствуют?

- С кругу спились, совсем одурели. Да и как не одуреть: в сутки по три целковых теперь получают, да еще сколько обманут... Ведь наш брат другой раз даже до смешного бывает глуп и доверчив!.. Ей-богу! В глаза мужики всех обманывают, а им за это еще деньги платят. Одно место в четверо рук продают... Ха-ха!

- Да ведь и Спирька, может быть, тоже надувает вас?

- Ну, уж извините, Спирька других надул, а не меня... Он у меня в разведке, как стеклышко, будет. Вот сами увидите... всю дурь из него вытрясем.

Причинные мужики действительно совсем потерялись в вихре событий: запрос на рабочие руки оказался громадный, а, кроме того, всякий золотопромышленник, конечно, потихоньку от других, старался непременно

заручиться верным человеком, который знает верное местечко. В результате получалась прекурьезная игра втемную, причем каждый был уверен, что именно он проведет всех остальных. Флегонт Флегонтович окончательно успокоился, познакомившись с наличным составом своих конкурентов, и только подшучивал над вылезавшими наружу плутнями других.

- Видели, как Кун вчера якобы на охоту с ружьем ходил? - рассказывал Собакин. - Думает, что так ему и поверили... а еще немец! Агашков прошлой ночью сам ездил потихоньку посмотреть место... Да и другие тоже. И все, главное, думают, что никто и ничего не знает, точно все оглохли и ослепли.

Сбившиеся с панталыку причинные мужики бродили по селу, как чумные телята, и все промышляли, где бы еще выпить. Слова: "произведу", "предоставлю", "руководствуй" - так и висели в воздухе, повторялись на все лады. Напротив нас стояла гнилая избушка, в которой жил рыжий мужик Парфен, обладавший громадным носом; этот Парфен успевал аккуратно два раза в день напиться и каждый раз

производил в своей избенке настоящий геологический переворот - как-то разом все начинало лететь из избушки прямо на улицу: горшки, ребятишки, ухваты и, жена Парфена вылетала после всего в самом отчаянном виде, с растрепанными волосами, босая, в растерзанном сарафанишке.

- Ловко... - поощрял Спирька соседа, поглядывая из окошка. - Дай ей хорошего раза, Матрене-то... руководствуй...

И Парфен действительно руководствовал на всю улицу, потешая скучавших золотопромышленников. Он приходил даже в какой-то экстаз и все старался придумать что-нибудь почуднее, чтобы удивить всех. Другой мужик, Силантий, живший через два двора, смирный и забитый в нормальном состоянии, как выпивал две-три рюмки, тоже начинал руководствовать и лез непременно драться к первому встречному. Его обыкновенно связывали вожжами и укладывали успокоиться куда-нибудь на холодке. На другом краю деревни бушевал какой-то седой старик Емельяныч, который колотил трех своих сыновей поленьями. Приехавшие рабочие из других деревень, в боль-

шинстве самый отпетый народ, набравшийся по приискам вольного духу, дополняли картину своим пьянством, драками и постоянно приставали к причинным бабам и девкам. Женский курс вдруг поднялся, и бабы к общему соблазну принялись щеголять по улице в самых ярких сарафанах и в кумачных платках, за что им прописывалась сугубая трепка.

Словом, происходила невообразимая кутерьма, и благочестивые причинные старушки только молили бога, чтобы скорее наступило это растреклятое первое мая.

- Я теперь совсем обумился, Флегон Флегонич, - уверял Спирька, все еще находившийся под домашним арестом. - Пусти хотьдохнуть разик с нашими причинными... Ей-богу, ни в одном глазу.

- Врешь, все врешь... - упрямо отказывал Собакин. - Знаю я тебя, гусь лапчатый. Тебя только на улицу выпусти, так ты сейчас без задних ног, да еще, пожалуй, с вина сгоришь... Немного уж ждать осталось, а там хоть лопни от водки.

Спирька чесал свою гриву, вздыхал и потом соглашался с неумолимым патроном, что

оно точно, пожалуй, опять сорвет с ума-то. К довершению общей суматохи случилось два происшествия: "сторел" с вина какой-то старик, и потом нашли избитую до полусмерти девку Анисью, которая пострадала за свое коварство - взяла с трех претендентов на ее внимание приличные подарки. Обманутые сговорились и поучили.

- Нет, уж что же это такое? - спросил Агашков, благочестиво поднимая плечи. - Настоящие Содом и Гоморра... уголовное.

VI

Наконец наступил и канун первого мая. С раннего утра в Причине все поднялось на ноги, даже не было видно пьяных. Партии рабочих уже были в полном сборе и толпились кучками около изб, где жили хозяева, или около обозов. Приготовляли лошадей, мазали телеги, бегали и суетились, как перед настоящим походом. Только хозяева старались казаться спокойными, но в то же время зорко сторожили друг друга - кто первый не утерпит и тронется в путь. Свои лазутчики и соглядатаи зорко следили за каждым движением.

- Мы из деревни выедем совсем не в ту сторону, куда нужно, - шепотом сообщил мне Флегонт Флегонтович, тревожно потирая руки. - А вы слышали, что Спирька сегодня ночью чуть не убежал у нас? Да, да... Ну, я с ним распорядился по-своему и пообещал посадить на цепь, как собаку, если он вздумает еще морочить меня. А все-таки сердце у меня не на месте... Всю ночь сегодня грезился проклятый заяц, который нам тогда перебежал дорогу, - так и прыгает, бестия, под самым носом.

- А далеко нам ехать?

- Да верст пятнадцать будет... По крайней мере Спирька так говорит и Гаврила Иваныч тоже.

В общей суматохе не принимали участия только Кривополов, Дружков, Середа и еще какой-то инженер в отставке, которые винтили уже третьи сутки. Агашков молился с утра богу, Кун, заложив руки в карманы своей кожаной куртки, особенно сосредоточенно курил сигару с раннего утра. В избе Спирьки Флегонт Флегонтович возился с каким-то футляром, который никак не входил у него в боковой карман.

- Что это у вас такое? - спросил я. - Революеры?

Собакин осторожно оглянулся кругом и расстегнул застёжки футляра: в нем лежала разобранный флейта.

- Это для чего у вас? - спросил я.

- А нужно... вот увидите. Я немножко, знаете, играю. Скучно в лесу иногда бывает, особенно осенью, когда ненастье зарядит недели на три. Две партии уже отправились, - перескочил он к злобе дня, - это доверенные от Охлестышевых. Ну, да эти не опасны, пусть поедят по лесу. Я, признаться сказать, больше всего опасаясь Агашкова и Куна... Черт их знает, что у них на уме.

- Да что же они могут сделать?

- Э, да мало ли что... Будут караулить, куда поедем, и, пожалуй, помешают.

Напились чаю, потом пообедали, но никому кусок в рот не шел. Метелкин выглядывал с почтительной грустью. Спирька сидел как приговоренный; сам Флегонт Флегонтович постоянно подбегал к окошку на малейший стук и осторожно выглядывал из-за косяка. Один Гаврила Иванович не испытывал, ка-

жется, никакого волнения и сосредоточенно ел за четверых, облизывая свою крашеную деревянную ложку.

День был ясный, настоящий весенний, с легким холодком в воздухе; по небу с утра бродили белые волнистые облачка, обещающая долгое вёдро. Но кругом не было еще зелени, и только на пригорках кое-где пробивалась свежая травка зелеными щетками. Река Причинка уже очистилась ото льда и начала разливаться в своих низких болотистых берегах, затопляя луга и низины. Пролетело несколько Косяков диких уток; где-то печально кричали журавли.

Часов в семь вечера наша первая партия выступила из Причины, потому что к заветному месту нужно было подойти обходным путем, чтобы запутать все следы и обмануть охотников открыть наш секрет. Теперь нас было две партии одна под предводительством Флегонта Флегонтовича, а другая во главе с Пластуновым. У нас вожаком служил Спирька, а у Пластунова Гаврила Иванович. Сговорились встретиться на каком-то урочище Сухой Пал, прежде чем захватить оконча-

тельно местечко. Чтобы решительно сбить с толку всех, мы ехали в одну сторону, а Пластунов в другую. Собственно, наша партия должна была выступить час спустя.

- Ох, не разъехаться бы... - стонал Собакин, провожая партию Пластунова вперед. - Ты, Гаврила Иванович, смотри, - не ударь в грязь лицом.

- Уж не сумлевайтесь... все оборудуем, Флегонт Флегонтыч, - отвечал старик, залезая в коробок Пластунова. - В лучшем виде.

Другие партии тоже зашевелились, и две из них отправились вслед за нашей партией, хотя это были "бывшие", значит, особенной опасности не предвиделось.

- Что вы так хлопчете, чтобы не разъехаться, - говорил я, - все равно: Пластунов займет другой участок - и только.

- Э, батенька, в том весь и секрет, чтобы занять два участка рядом, потому что у меня в участке жила, ну, а как она уйдет к другому? Вот это-то и дорого... Все из-за этого хлопчут. По закону, каждая партия имеет право занять только один участок - пять верст в длину и сто саженей в ширину, то есть по течению ка-

кой-нибудь речки.

Было восемь часов, и мы выступили тоже в поход. Спирька поместился у нас на козлах, и Собакин категорически объявил ему:

- Ну, ты, идол, смотри в оба, а ежели надуешь, так я из тебя и крупы надеру и муки намелю в лесу-то...

- Предоставлю, Флегон Флегоныч, - угрюмо отвечал Спирька, нахлобучивая какую-то совершенно невозможную шапку на свою взлохмаченную голову. - Уж мы с Гаврилой Иванычем вот как сруководствуем... важное местечко.

Флегонт Флегонтович все оглядывался, точно ожидал погони; но погони не было, и только в стороне дороги раза два повторялся какой-то подозрительный шум, точно кто шел за нами, прячась за деревьями и в кустах.

- Ишь, подлецы, как провожают... - ругался Собакин. - Наверно, Агашков подослал или этот немец с сигарой...

Небо было совершенно ясное, солнце только что закатилось, из лесу тянуло свежей ночной сыростью. С большой дороги мы сверну-

ли по указанию Спирьки куда-то направо и поехали в цело, то есть без всякой дороги, по какому-то покосу. Меня удивило то, что мы ехали от реки Причинки, тогда как должны были держаться около нее. Впрочем, она текла крайне извилисто, и мы, вероятно, просто выгадывали пространство. Все молчали и как-то старались не смотреть друг на друга, точно премированные заговорщики. В одном месте, когда мы ехали около соснового подседа, над нашими головами пролетело несколько тянувших вальдшнепов с тем особенным кряхтеньем, которое настоящего охотника заставляет замирать на месте. Но теперь было не до охотничьих восторгов, и мы пропустили тягу совершенно равнодушно. Но чем дальше мы подвигались, тем больше начинало попадаться нам подозрительных признаков - перепутанные колеи, следы лошадиных ног, какой-то отдаленный глухой шум или неожиданный треск где-нибудь в стороне.

- Это все партии гуляют по лесу, - объяснил Флегонт Флегонтович; он несколько раз выскакивал из экипажа и припадал ухом к земле, чтобы лучше расслышать лошадиный то-

пот. - Далеко до Сухого Пала осталось, Спирь-ка?

- Да еще верст семь надо класть, Флегон Флегоныч... а может, и побольше. Кто его знает: здесь ведь места-то баба мерила клюкой, да махнула рукой...

В одном месте мы спугнули несколько пар журавлей, которые с печальным криком полетели дальше. Место было болотистое с низкими кустами ольхи, черемухи и болотной ивы; наш экипаж прыгал по кочкам и постоянно грозил опасностью перевернуться вверх дном. Откуда-то повеяло холодной сыростью, это была вода, может быть, одно из бесчисленных озер. В другом месте, в лесу, слабо замигала красная точка и потянуло дымком; наш обоз остановился, и вперед посланы были лазутчики. Оказалось, что стояла станом какая-то партия, ожидавшая наступления двенадцати часов: рабочие были не здешние, а хозяин "из господ", как объяснили вернувшиеся лазутчики.

- Должно быть, заблудились, сердечные... - посмеялся Флегонт Флегонтович, однако велел объехать партию подальше стороной,

"чтобы не навести на сумление".

Взошел молодой месяц, и все кругом потонуло в фантастическом, колебавшемся свете. Собственно говоря, сравнительно с душистой и туманной летнею ночью, эта холодная и, так сказать, сухая весенняя ночь была просто жалка, но что было хорошо в ней и что придавало ей какую-то особенную поэзию - это неумолкавшая жизнь пернатого царства. Как-ких-каких звуков только не было!.. Кроме журавлиного и лебединого крика и кряхтенья вальдшнепов, слышалось неумолкаемое пение со всех сторон. Какие птицы пели - не умею сказать, за исключением иволги, которая резко выделялась среди других певцов. Где-то точно разговаривают и кричат две голосистые бабы, потом глухо забормотал на листвени тетерев, потом, точно из-под земли, донеслось неистовое фырканье и кудахтанье игравших на току косачей. Ночь была тихая, и можно было расслышать игру на нескольких токах. Но всего удивительнее был какой-то страшный крик, точно во всю глотку ревел пьяный мужик; я даже вздрогнул в первую минуту.

- Что, испугались? - смеялся Флегонт Флегонтович. - Угадайте-ка, что за зверь это отличается? Не угадать... Это куропатка.

- Не может быть!..

- Уверяю вас; я сам сначала не верил, пока не убедился своими глазами. Ревет, точно оглашенная...

В сторонке тихо и нерешительно слышалось осторожное заячье бобоканье; зайцы кричат иногда пресмешно в лесу - сядет на задние лапки, насторожит уши, вытянет мордочку и начинает как-то по-детски наговаривать: "бо-бо-бо-бо"...

- Гли-ко, гли*, Флегон Флегонтыч, - зашептал Спирька, показывая головой в сторону небольшой сосновой гривки, у которой стояли две темные фигуры. Вишь, как зорят** за нам...

* Гляди, гляди.

** Зорят - смотрят.

- Ну, пусть их зорят.

- А в лесу лошадь привязана - вон одна голова торчит...

- Ах, подлецы! Чьи бы это?

- Темно, не признать сыздали. Быдто из со-
сунят кто по обличью-то... может, и наши
причинные.

Кроме этих отрывочных эпизодов, наше путешествие совершалось в мертвом молчании; слышался только лошадиный топот и стук колес, когда они попадали на древесный корень. Вахромей сидел на козлах в обычном молчании и только изредка, в виде особенной милости, благоволил всыпать вертлявой пристяжной несколько хлестких ударов.

- Эва тебе и Сухой Пал... - проговорил, наконец, Спирька, когда впереди серым неясным пятном выступила между редкими соснами узкая лесная прогалина. - И Гаврила Иваныч тамоди* с людям дожидает нас... в самую точку попали.

* Тамоди - там.

Сухой Пал выделялся какой-то суровой красотой и резко отличался от других мест, по которым ехали до сих пор. Кругом росли вековые сосны в обхват толщиной; почва делала мягкий уклон к небольшому круглому озерку и кончалась крутым обрывом, на кото-

ром росла корона из громадных лип.

- Старцы здесь жили в допрежние времена, - объяснил Спирька, - вон и липняк насадили для пчелы... Только их начальство выжило; потому как они, старцы-то, к старой вере были прилежны... строго было. Весь скиток разорили...

Партия Пластунова дожидалась нас уже час. Посыпались рассказы с обеих сторон о встречных партиях. Весь лес на десятки верст по течению Причинки был переполнен людьми, ждавшими наступления полуночи.

- Страсть сколь народичку понаперло, - удивлялся Гаврила Иваныч, поправляя свою баранью шапку. - Немца видели... ну, еще с сигарой ходил. В двух верстах отсюда будет...

- А Агашкова не видал?

- Нет, как будто не заметил. Тут все какие-то новые партии, Флегонт Флегонтыч. И господь их знает, откуда они набрались. В Причине как будто их не видать было, все наперечет. Это все пришлые... Надо полагать, режевские али невьянские.

- Все равно... один черт, - ворчал Собакин. -

Столбы разведочные приготовили?

- Два столбика соорудовали... и слова написали.

- Хорошо. Уж десять часов скоро, - говорил Собакин, со спичкой разглядывая циферблат своих часов. - Далеко отсюда?

- Версты три, надо полагать, будет; в час доедем.

- Часик подождем.

Ехать прямо на заветное местечко прежде времени мы не могли, потому что на нас могли набежать другие партии и начать спор по заявке. Но, с другой стороны, полная неизвестность являлась тяжелым кошмаром для всех. Время тянулось убийственно медленно, как при всяком ожидании, и Флегонт Флегонтович беспрестанно жег спички, чтобы посмотреть, сколько осталось.

Ровно в одиннадцать часов мы трогаемся в путь в мертвом молчании, но лес кругом гудит от конского топота и торопливо шмыгающих людей. Мимо нас проскакала партия верхом на лошадях; где-то далеко рубят дерево, и каждый удар топора звонко разносится в ночной тиши. Вероятно, это готовят разведочный

столб. Вот где-то совсем близко посыпались тоже удары топора, кто-то рубит лихорадочной, неумелой рукой. Опять встреча, едут на двух телегах, разъезжаемся молча - ни слова. Торопливо бегут какие-то мужики с лопатами и топорами. Уж близко совсем, вот и небольшой пологий ложок, который спускается открытым к Причинке.

- Здесь... - шепчет Спирька.

Флегонт Флегонтович отряжает Пластунова с Гаврилой Ивановичем вверх по Причинке, к какому-то Семенову Бугру, где он должен ждать сигнала и сейчас же ставить разведочный столб.

- Как я заиграю, значит, место свободно, ты сейчас и катай столбы и шурфы, - наставительно шепчет он своему доверенному. - Через полчаса, чтобы все было готово... Слышишь?.. Я как заиграю, ты сейчас и действуй.

Партия Пластунова исчезает в густой сосновой заросли, а мы остаемся на ложке, в ожидании двенадцати часов. Заветное местечко на полверсты ниже, но занимать его теперь рано, можно только привлечь внимание проходящих мимо партий. А народ так

валит и валит, все дальше, вверх по Причинке; каждая новая партия заставляет переживать скверное чувство: а как она да наше место и захватит? Но пока все благополучно - все проходят мимо.

- Начинай, благословясь, - командует Флегонт Флегонтович, откладывая несколько широких крестов. - Ну, восемь минут осталось... пора.

Мы отправляемся вниз по Причинке, которая здесь шириной всего несколько аршин, а в некоторых местах ее просто даже можно перескочить с разбегу. Лошади остались на месте, а мы идем пешком.

- Скорее, скорее... - торопит Флегонт Флегонтович, задыхаясь на ходу. Спирька, где место-то?

- Да вон береза-то развилашкой стоит, тут и место, - объясняет Спирька, едва поспевая за Собакиным на своих кривых ногах.

За нами несколько рабочих несут разведочный столб.

- Стой! - командует Флегонт Флегонтович, когда мы поравнялись с указанной березой. - Ровно двенадцать часов... ставь столб!

В подтверждение своих слов он показывает нам свои часы; Спирька с двумя рабочими копают яму, а Флегонт Флегонтович вынул из кармана футляр с флейтой, собрал инструмент, и по лесу далеко покатился вальс из "Корневильских колоколов":

Ходил три раза кругом света

И научился храбрым быть...

В ответ на вальс послышался глухой выстрел из револьвера.

- Слава богу, место свободно, - объяснил Собакин. - У нас такой уговор был: если свободно - один выстрел, если нет - три. Ставьте скорее столб. Ну, теперь валяй шурфы.

Разведочный столб был уже поставлен, и рабочие ставили пониже другой. Метелкин со Спирькой из срубленной березы устраивали живой мостик через Причинку. Флегонт Флегонтович сам отмерял на земле квадрат шурфа и принялся обрубать топором дерн; он взмахивал топором со всего плеча и не мог вывести прямой линии.

В самый разгар работы, на противоположном берегу Причинки, в лесу послышался глухой треск, точно шла целая рота солдат, и за-

тем выскочило несколько рабочих с лопатами и кирками. Намерения неожиданных пришельцев были очевидны, и Флегонт Флегонтович закричал не своим голосом:

- Стой! Место занято... Кто первый пошевелится, на месте убью!

На этот вызов из приближавшейся толпы рабочих отделился высокого роста мужчина в кожаной куртке, в высоких сапогах и в модной шляпе с двумя козырьками. Он подошел к переходу через речку и, сняв шляпу, спокойно отрекомендовался:

- Стреляйте... К вашим услугам: Серапион Чесноков. Обращаю особенное внимание ваше, милостивый государь, на то, что вы в глухом лесу производите угрозу с оружием в руках, что предусмотрено уложением о наказаниях. Притом вы начали работу целым полчаса раньше, чем это назначено, за что тоже будете отвечать, а теперь я займу эту площадь на основании общих правил.

Бедный Флегонт Флегонтович побелел от злости и только смотрел на оратора с открытым ртом, как помешанный.

- Да вы... вы от кого? - проговорил он нако-

нец, опуская бессильно руки.

- Я? Я от Анфусы Полихроновны Могильниковой...

- А! Так вы вот как... О, я знаю вас!.. Я... я... - закричал Флегонт Флегонтович каким-то крикливым голосом и бросился грудью защищать переход через Причинку. - Я знаю тебя, подлеца!.. Алеут!.. Ребята, не пущай!.. Спирька, Метелкин! Братцы, это разбойник... это грабеж!.. Будьте все свидетелями...

- Эй, вы, послушайте, - спокойно продолжал "алеут", отдавая какие-то приказания своим рабочим. - Кроме вооруженного нападения, вы еще делаете подлог: часы у вас переведены... Притом вы меня оскорбили с первого слова. И в том и в другом случае вы ответите в законном порядке.

- Врешь, алеут... Это у тебя часы переведены! - орал Флегонт Флегонтович, напирая грудью на незнакомца, но при последних словах внезапно покотился по земле, точно под ним земля пошатнулась...

- Ребята, руби столб!.. - крикнул алеут, перескакивая на нашу сторону.

За этим возгласом произошла уже настоя-

щая свалка: наши рабочие отчаянно защищали свой столб, а сподвижники алеута старались их сбить с позиции, что скоро и было исполнено благодаря их численному превосходству, да и народ все был рослый, заводской, молодец к молодцу.

- Катай их... валяй! - ревел Собакин, бросаюсь на алеута врукопашную. Спирька, Метелкин, бери его!.. Действуй!..

Но взять алеута было не так-то просто: он одним ударом опрокинул Метелкина, потом схватил Спирьку за горло и бросил прямо на землю, как дохлую кошку. Но Флегонт Флегонтович был довольно искусен в рукопашной и как-то кубарем бросился прямо в ноги алеуту, свалил его и с ним вместе покатился по земле одним живым комом; Метелкин и Спирька, почувствовавшись от первого афронта, схватились разом за барахтавшегося на земле алеута, который старался непременно встать на колени.

- Что же вы-то смотрите... а?! - кричал мне Флегонт Флегонтович, взмолившись на алеуте верхом. - Ах, подлец... ах, разбойник! Спирька, не давай ему на четыре кости вста-

вать... не дав...

Чесноков, утвердившись "на четырех ко-
стях", быстро поднялся на ноги и разом стрях-
нул с себя всех троих, так что Флегонт Флегон-
тович первым обратился в бегство, а за ним
побежал Метелкин. Я оставался по-прежнему
безучастным зрителем этой немного горячей
сцены, в которой не желал принимать актив-
ного участия. Чесноков торжественно осмот-
рел поле сражения и как-то добродушно про-
говорил:

- Хороши...

Затем он засмеялся, достал из кармана се-
ребряный портсигар, и как ни в чем не быва-
ло закурил дешевенькую папиросу.

- Пожалуйста, будьте свидетелем всего
здесь случившегося, - вежливо проговорил он,
обращаясь ко мне.

- Нет, уж избавьте, пожалуйста, от этой че-
сти...

- Вы не имеете права отказываться, как по-
рядочный человек. Впрочем, эти дела до суда
у нас не доходят. Устроим полюбовную. А, да,
кажется, еще новый конкурент! Да ведь это
наипочтеннейший Глеб Клементьевич Агаш-

ков... Вот это мило!..

Действительно, пока происходила борьба Чеснокова с Флегонтом Флегонтовичем, Агашков под шумок успел не только поставить свой разведочный столб, но уже дорабатывал второй, обязательный для заявки шурф, причем уже промывали в приисковом ковше пробу.

- Ну, это дудки, - хладнокровно проговорил Чесноков, направляясь прямо к благочестивому старцу. - Эй, вы, черт вас возьми совсем! Это вы что же делаете?

- Как что делаю? - удивился в свою очередь Агашков, немного отступая от приближавшегося алеута. - Вы, милостивый государь, пожалуйста, подальше, а то у вас руки-то...

- Что руки?..

- Скоры вы на руку-то, сударь, даже очень скоры... Вон как Флегонта Флегонтовича изувечили.

- Убирайтесь отсюда... сейчас же!.. Слышите? - грозно приказал Чесноков, принимая угрожающую позу.

- И уйду... даже сейчас уйду-с, вот только заявочный столбик приспособлю.

- А я ваш столб срублю!

- И рубите... потому как здесь лес, а в городе это все разберут.

- Вы хотите, кажется, меня перехитрить? Ну, извините, Глеб Клементьевич, я вас отсюда не выпущу... Ребята, окружайте его и не выпускайте. Вот так.

Около Агашкова образовался живой круг, и он очутился как в мышеловке. Произошла преуморительная сцена, которая закончилась тем, что Глеб Клементьевич, потеряв всякую надежду пробиться сквозь окружающую его цепь, смиренно уселся на камешек, а Чесноков в это время собственноручно доканчивал разведку и сам доводил золото в Причинке. Когда все было кончено, этот страшный поверенный купчихи Могильниковой сел на верховую лошадь, попрощался со всеми и исчез в лесу.

- Разбойник... подлец!.. - ругались в две руки Собакин и Агашков, проклиная отчаянную алеутскую башку; к довершению несчастья, Флегонт Флегонтович повернул неловко ногу во время давешней борьбы и теперь охал и стонал при каждом движении.

VII

- Надо первым делом в Причинку ворочаться, чтобы составить акт и всякое прочее, - решили в голос Собакин и Агашков, когда немного пришли в себя. Мы допекем алеута... к исправнику... к губернатору пойдем. Разбой на большой дороге... в лесу... да мы всех екатеринбургских адвокатов натравим на алеута.

Потерпевшие ругались, как умели, и старались изобрести тысячи самых ядовитых способов извести алеута. Как все очень рассерженные люди, они не только сами верили своим жестоким намерениям, но требовали непременно, чтобы и все другие разделяли их чувства. Мы с Гаврилой Ивановичем сделали невольными жертвами этого озлобления и принуждены были выражать свое полное согласие.

- Я к губернатору, Гаврила Иваныч... - приставал Собакин к нашему "вожу", который почесывал затылок и несколько раз повторял одну и ту же бессмысленную фразу: "Ах, чтоб тебя расстрелило!.."

- Нет, ты скажи, ведь мы его узлом завяжем? - приставал Собакин, размахивая свои-

ми короткими руками. - У меня есть один знакомый в канцелярии губернатора из поповичей и такая дока, такая дока... Ведь мы пропишем, Гаврила Иваныч, алеуту горячего до слез... а?! Вот и Глеб Клементьевич тоже...

- Обыкновенно, оборудуем, - благочестиво соглашался Агашков, разглаживая свою седую бороду. - У меня тоже есть один знакомый в духовной консистории.

- В светлеющий синод надо бумагу подать, - советовал Гаврила Иванович, дергая плечами. - Ах, чтобы тебя ущемило... Ну и разбойник!..

- А я еще раньше это предугадывал... - припоминал Флегонт Флегонтович. - Помните? Я несколько раз говорил: "Что это от Могильниковой никого нет?" А вот она и объявилась... И нашла же кого послать!

- Да кто он такой, этот Чесноков? - спрашивал я, воспользовавшись маленьким перерывом, когда Флегонт Флегонтович переводил дух.

- Алеут-то? А черт его знает, кто он такой... Всего года два как объявился в наших местах. Я с ним в Верхотурье в первый раз встретил-

ся, даже раз в карты играл. Он тогда адвокатом был и все судился с кем-то. Ну, парень ничего, и на разговор как по писаному режет. Сначала-то всем даже очень понравился, и в хорошие дома везде принимали. Некоторые верхотурские дамы даже очень уважали этого самого алеута, потому, сами посудите, - десяти вершков росту, любо смотреть. Ну, обыкновенно, место глухое, дамочкам это даже очень любопытно казалось этакого зверя прикармливать, а потом он себя и оказал, так-таки сразу и оказал - весь как на ладонке. Именины были, и Чесноков тут же. Ну, как попало ему хорошенько за галстук, он и произвел четверых отколотил... Силища, как у медведя. Двоих схватил за бороды да головами и давай друг о дружку стучать, чуть живых отняли. Чистый дьявол... и на руку скор, страсть! Как-то в театре в Перми идет в антракте в буфет, а навстречу купец и не сворачивает - алеут в ухо, а купец, как яблоко, и покатылся. Уж теперь все этого алеута знают и чуть что - сейчас подальше. А как он попал к Могильниковой - ума не приложу... Такая степенная дама и вдруг этакого молодца подсы-

дает. Ведь это что же такое: нож ему в руки да на большую дорогу.

- Зачем же его называют алеутом?

- Все так зовут, потому что в Америке, скажут, жил где-то там, у алеутов... Наверное, все врет только будто языком про Америку, а сам, наверно, из каторги ушел.

- Из каторги не из каторги, а около того, - глубокомысленно заметил Агашков. - Очень замашистый человек и даже, можно сказать, весьма неприятный... А уж откуда его добыла Могильникова - ума не приложу. Я, кажется, лучше с медведем в берлоге переночую, чем с этим алеутом...

Увлеченный неудержимым потоком своего гнева, Собакин совсем позабыл, что Агашков чуть-чуть не отнял у него заветное местечко. Об этом щекотливом обстоятельстве он вспомнил только при нашем вступлении в Причину.

- Ну, и вы, Глеб Клементьевич, тоже хороши, ежели разобрать... - корил он благочестивого старца. - Я местечко-то караулил два месяца, сколько одной водки выпоил Спирьке, а вы...

- Я?.. Да ведь я хотел вам помочь, Флегонт Флегонтович... Слышу, битва идет, ну, я и бросился ослобонять вас.

- А шурфы-то зачем били... а?.. Нет, уж не отпирайтесь лучше... Ну, да теперь все равно дело пропащее. По крайней мере не доставайся местечко Могильниковой...

- Вот-вот, это самое и есть... - вторил Агашков. - Послушайте, это что же такое... а?.. Вот те и раз!

Заслонив рукой свои старые глаза, Агашков смотрел вдоль по причинской улице, где у квартиры Кривополова стояли оседланные лошади и толпились какие-то мужики. Издали можно было узнать только нескладную фигуру долгоносого пьяницы Парфена, который отчаянно взмахивал руками и расслабленно приседал. Когда мы поравнялись с квартирой Кривополова, за ворота занимаемой им избы, пошатываясь, вышел захмелевший хохол Середа; он посмотрел на нас каким-то блаженным взглядом и, покрутив головой, на немой вопрос Агашкова, пролепетал: "Ой, лищечко..."

- К нам, к нам, милостивые господа!.. - вы-

крикивал коснеющим языком Парфен. - Там Марфа Ивановна... их душа... вот помереть... люблю.

Мы остановились. Рожа Кривоколова показалась в окне, и он Христом-богом умолял всех зайти в избушку.

- Да что вы, окаянные, тут делаете! - журил Агашков, не решаясь спуститься с экипажа. - Добрые люди на разведках бьются, а они вон где проклажаются... Ах вы, греховодники такие, ей-богу, греховодники!..

- У нас тут... ха-ха!.. Голубчики, Глеб Клементич, и ты, Флегонт Флегонтыч... ради Христа заходите. Я ведь все знаю про вас, как вы там с алеутом воевали... ха-ха!..

В этот момент за ворота выкатился, как шар, толстый седой Дружков и без всяких разговоров принялся стаскивать Агашкова с экипажа за ноги. Мы всей гурьбой отправились в избу, где слышался чей-то женский смех и неистовый хохот Кривоколова. В переднем углу, около стола, заставленного бутылками и разной походной посудой, сидела молодая красивая женщина в темном платочке с глазами. Ей было на вид лет двадцать. Высокая,

полная, белая, с продолговатым лицом, она дышала тем завидным здоровьем, какое еще сохраняется только в старинных купеческих семьях. Всего замечательнее в этом красивом женском лице были серые, опущенные длинными ресницами глаза с поволокой и сочные свежие губы, складывавшиеся сами собой в такую хорошую улыбку, как умеют смеяться только настоящие красавицы.

- Вот кого нам бог послал... - хрипел Кривополов, указывая толстыми пальцами прямо на свою гостью. - Ну-ка, Глеб Клементич, угадай, кто такая будет... а?.. И не думай лучше, все равно не угадаешь... Вот так красота сейчас в рамку да под стекло.

- Уж вы, Нил Ефремыч, и скажете... - немножко кокетливо проговорила красавица и сейчас же вся застыдилась. - А я вас, Глеб Клементич, даже очень хорошо помню, вот и Флегонта Флегонтовича тоже.

- Матушка ты наша... ягодка... - говорил седой Дружков, припадая своей одутловатой сыромятной рожой к ручке Марфы Ивановны.

Агашков и Флегонт Флегонтович перегля-

нулись, не зная, как себя держать с Марфой Ивановной. Лицо Агашкова так и просветлело - старичок любил красивых женщин, - но, с другой стороны, может, какая-нибудь переряженная арфистка...

- Ну, ну! Чего вы медведями-то стоите!.. - кричал Кривополов. - Небось, Ивана-то Семеныча Семиквасова помните? Еще гурты в степи гонял... Ну, он-то, Иван-то Семеныч, значит, помер, водочкой зашибал покойник, крепко зашибал напоследях, а это, значит, его дочь, Марфа Ивановна...

- Да как вы к нам в лес-то, в этакую трущобу попали, Марфа Ивановна? спросил Агашков, долго удерживая в своих руках мягкую, полную ручку Марфы Ивановны. - Да где тут узнать... Я вас видел еще такой махонькой, по десятому годку. Еще пряников привозил... Может, помните?

- Как же, я вас сразу узнала, - певуче ответила Марфа Ивановна и с ласковой улыбкой смотрела прямо в глаза таявшему старичку.

- Вот и отлично, что помните... Ну, а теперь-то где же мне узнать вас, вон какая красавица выросла... хе-хе! Только все-таки,

как же это вы к нам-то, в лес-то попали... а?..

- Я с Серапиеном Михалычем... - ответила Марфа Ивановна, заметно смутившись. - Он насчет разведки от Могильниковой, а я с ним везде езжу, потому одних Серапиена Михалыча никак невозможно отпускать, при их неукротимом характере.

Марфа Ивановна так и говорила: "карактер", "Серапиен Михалыч", но у нее и этот недостаток превращался в достоинство, потому что как нельзя больше подходил к платочку с глазками и простенькому шерстяному платью купеческого покроя.

- Вы тоже по золоту? - ласково спрашивала меня Марфа Ивановна, когда первый взрыв восторгов прошел.

- Нет, я так... на охоту приехал.

Марфа Ивановна отнеслась недоверчиво к моей охоте и только едва заметно вздохнула. Мне казалось, что я где-то ее встречал, - лицо было такое знакомое, и голос, и глаза, но где? Да и сама Марфа Ивановна отнеслась ко мне, как к старому знакомому.

- А ведь Марфа Ивановна у нас гостит на отлете, - объяснял Кривополов, утирая свою

калмыцкую образину фуляровым платком. - Угадай-ка, Глеб Клементич, куда она собралась!

- Как, уезжает? - удивился благочестивый старец, но, взглянув на гостью, он только улыбнулся и, потирая руки, своим ласковым голосом проговорил: - А мы не пустим Марфу Ивановну... ей-богу, не пустим. Такой веревочкой привяжем, что и сама не поедет... хе-хе!..

- Нет, я скоро уеду... далеко уеду, - с легким вздохом проговорила Марфа Ивановна, ласково улыбаясь. - Так далеко, что и думать-то страшно... Я ведь с Серапиеном Михалычем; куда они, туда и я...

- В Америку едет Марфа-то Ивановна наша, - объяснил Кривополов и как-то особенно глупо захохотал. - Чесноков в Калифорнию собирается золото искать...

Все недоверчиво переглянулись.

- Я и выговорить-то это слово не умею, куда Серапиен Михалыч собирается уезжать, - объясняла Марфа Ивановна в свою очередь. - А только непременно уедем... Вы чему это смеетесь, Глеб Клементич? Ведь Серапиен

Михалыч такой человек: что захотят, то и сделают. Они уж такие... особенные совсем. Вы не смейтесь, Глеб Клементич.

- Я-с? Помилуйте, Марфа Ивановна... уж на что особеннее Серапиона Михалыча. Вот хоть Флегонта Флегонтыча спросите, хе-хе! А что касательно Америки там, так что же - сторона хорошая, и даже в газетах я как-то про нее читал. Хорошая сторона, прямо сказать, только далековато маленько будет, ну, да Серапиону-то Михалычу это сущий пустяк-с... Я только так про себя думаю, как же вы, Марфа Ивановна, насчет своих сродственников? Тоже ведь жаль бросить своих-то, свою-то кровь, а там, на чужой-то стороне, еще что бог подаст.

- Нет, я уж решила, - ласково и упрямо повторяла Марфа Ивановна, опуская глаза, - куда Серапиен Михалыч - и я с ними... А сродственники... тетка есть да дядя, ну, они от меня отказались, как я с Серапиеном Михалычем познакомилась, потому что я... я ведь и теперь невенчанная.

Последнее слово Марфа Ивановна произнесла с заметным трудом и даже побледнела.

- Ох, не нам судить, старикам, - ласковым

шепотом заговорил Агашков, делая благочестивое лицо. - Все грешны да божьи, и девать нас некуда... А вы, голубушка, еще молоды: замолите грех. Да оно по нынешним временам это даже сплошь и рядом пошло, что невенчаные живут, да еще как живут - лучше венчаных. Это прежде строгость была большая насчет браку, а по нынешним слабым временам и разобрать-то не можешь, где грех, где спасение. Другая и венчанная жена, а даже назвать ее не знаешь как... Нет, не судите, да не судимы будете. Так ведь, Нил Ефремыч? - обратился в заключение своей назидательной речи Глеб Клементьевич к Кривополову.

Появление женщины как-то сразу изменило картину жизни в Причине, точно ворвавшийся в комнату луч света. Не говоря уже о Кривополове и Дружкове, которые забыли даже о разведке из-за Марфы Ивановны, все остальные обыватели почувствовали, что случилось что-то такое, что прекратило разом прежнее пьяное безобразие. Вместо составления протокола и прочих громов, долженствовавших обрушиться на отпетую башку Чеснокова, Собакин и Агашков беседовали в квар-

тире Кривоколова самым благочестивым образом. Особенно хорош был Глеб Клементьевич, точно просиявший всем своим старческим благообразием; присутствие свежей молоденькой женщины наполнило его до самых краев самыми благочестивыми и душеполезными помыслами, которыми он спешил поделиться с Марфой Ивановной. Эти медоточивые речи заставили расчувствоваться даже такого бесповоротно испорченного грешника, как старый Дружков, безобразничавший напропалую по всем градам и весям.

- Подлецы мы все... это ты правильно, Глеб Клементич! - решил Дружков, чувствуя себя совсем "на точке". - Уж какая наша приисковая жизнь... Ох-хо-хо!.. Марфа Ивановна, искушали бы с нами хоть хереску или мадерцы... а?..

Этот непростительный переход от раскаяния к мадерце шокировал всех, и Кривополов тихонько дернул Дружкова за рукав, так что сыромятный старик неловко замолчал на полуслове.

Пока мы пили чай, который разливала Марфа Ивановна, под окнами нашей избы

несколько раз мелькали усатые, забубенные головы "отставных" и "бывших", вернувшихся с разведки в Причину неизвестно зачем. И этих людей, выкинутых за борт жизнью, тоже интересовало таинственное появление в глуши причинских лесов таинственной женщины. Прохаживаясь под окнами квартиры Кривополова, они, вероятно, припоминали свои лучшие дни, когда и им улыбались красивые и молодые женщины.

Не дождавшись, когда кончится затянувшаяся беседа, я вернулся на квартиру, в избу Спирьки, один. После бессонной тревожной ночи долил мертвый сон. Но в Спирькиной избе мне не удалось отдохнуть, потому что там стоял дым коромыслом - очевидно, там "руководствовали" вернувшиеся с работы "вожи" и проводники: по крайней мере можно было отлично различить голоса самого Спирьки, долгоносого Парфена, Силантия и других. Я пробрался прямо в сарай, выбрал уголок с остатками сена и трухи и, завернувшись в плед, заснул крепким сном, каким спится только после долгого шатания по лесу.

Когда я проснулся, день уже был на исходе.

Солнце висело под самым горизонтом, и красноватые лучи заката врываются сквозь щели дырявой крыши пыльными полосами. Свежесть весеннего вечера давала себя чувствовать, но после долгого, крепкого сна не хотелось шевельнуть пальцем, а так лежал бы без конца с открытыми глазами и думал без конца пеструю полосу плывших в голове мыслей. Это чисто созерцательное настроение испытывается только в полном одиночестве, когда знаешь, что никто тебя не потревожит, и наслаждаешься даже этим сознанием. Лежа на сене, я долго наблюдал игру света и тени на покосившейся стене сарая, по стрехам и прогнившим драницам, точно солнечные лучи делали самую тщательную ревизию недвижимой собственности Спирьки.

- Ладно она их приклеила... - слышался голос Гаврилы Ивановича. - Диво бы еще Кривополов или Дружков, а то и Глеб Клементич туда же... Да и наш-то хорош тоже, нечего сказать. Хотели суды судить с тем, с дьяволом, а вместо того цельный день проклажаются, и полицейские там же прилипли.

- А Глеба-то Клементича видел? - сдержан-

ным полупшепотом спрашивал другой, незнакомый голос с легкой хрипотой. - Глазки-то так и бегают, как по маслу, а сам все насчет души... прокуратит старичонка, уж это верно. Уж такой он охотник до гладких баб, такой охотник... Очень даже я его знаю: ни одной не пропустит.

- Молитвенный старичок, а грех-то за плечами, - глубокомысленно заметил Гаврила Иванович, аппетитно зевая. - Откедова она взялась-то, эта самая Марфа Ивановна?

Наступила длинная пауза. Слышно было только, как кто-то осторожно зевал в руку и что-то бормотал.

- А я ведь ее, Марфу-то Ивановну, даже весьма хорошо знаю... да-а!.. протянул незнакомый голос. - Верно говорю... даже случай был со мной, то есть касательно этой самой Марфы Ивановны. Может, я, Гаврила Иваныч, и пью-то с этого самого случая... да-а... вот те Христос! Как даве услышал, что она в Причине, - у меня инда руки и ноги затряслись со страху. Очень испугался даже...

- Да чего тебе бояться-то, чучело гороховое?

- Себя боюсь, Гаврила Иваныч, сердце дрозжит... это тоже понять надо. А сам думаю: "Не пойду я к ней на глаза - и конец тому делу"... Ей-богу!.. Потому как эта самая Марфа Ивановна хуже мне погибели... Смерть она мне, вот что!

Этот разговор меня заинтересовал. Добравшись до стены, в широкую щель между осевшими бревнами я увидел на дворе Спирьки такую картину: Гаврила Иванович лежал в нашем коробке, закинув ноги на облучок, а на облучке, скорчившись, сидел Метелкин. Он был в своем порыжевшем плисовом пиджаке и в красном шарфе; бледное чахоточное лицо было покрыто розовыми пятнами, и черные большие глаза сегодня казались еще больше. Кажется, Метелкин был сильно с похмелья и с особенным ожесточением курил крючок махорки, постоянно сплевывая на сторону.

- Ведь я у родителя-то Марфы Ивановны еще в мальчиках вырос. Тогда Иван Семеныч гурты гоняли из-под Семипалатинска... Ну, а я был круглым сиротой, вот он и взял меня к себе. При его-то деле с мальчишкой способнее, -

послать, прибрать, записку написать и всякое прочее. Благодетелем моим был, и пожаловаться на него не могу, разве под пьяную руку неукротим на руку был, потому мужчина из себя целая сажень, рука, как пудовая гиря, ну кровь-то в нем как заходит, тогда уж никто не попадайся на глаза - разнесет в щепы. Эти гуртовщики как-то все на одну колодку - чистые лешие... Зиму жили мы в городе и с весны в степь уезжали, так я в степи и вырос. Ну, как я вырос, большой стал совсем, Иван Семеныч даже женить меня собирался, а это вина я в те поры в рот ни капли... Хорошо. Только у Ивана-то Семеныча и умри ихняя супруга; ну, он с горя-то и принялся чертить, а на руках дочь маленькая. Он ее любил до смерти и с собой везде возил. Тогда Марфа Ивановна была так годку по девятому, а мне шестнадцать. Я с ней и водился, когда Иван Семеныч чертил... Сильно он закладывал, недели по две не в своем виде бывал, ну, скучно в другой раз в степи-то, одурь возьмет, вот с девчонкой и возишься. Ну, а тут и случай подошел... В отца вся вышла Марфа Ивановна - рослая, полная, как холмогорская телка, а в четырнадцать

лет хоть сейчас под венец, кровь с молоком девка, одним словом... Хорошо. И ко мне она привыкла, как к брату... Хорошо. Веселая была... Ну, однажды ночью Иван Семеныч спит у себя в палатке пьяный, а мы с Марфенькой у огонька сидим да глупости разные болтаем... А надо тебе сказать, что я еще раньше заметил, что стала Марфенька немножко как будто задумываться, даже из себя вся потемнеет. Ну, думаю, нездоровится девке, мало ли что бывает женским делом... Хорошо. А тут вдруг так разыгралась, и глазенки потемнели, а сама, как котенок, так и играет... Ну, болтали мы, болтали, а Марфенька как схватит меня за шею, обняла да как поцелует прямо в губы, крепко так... Меня как обухом по голове, точно обожгло по сердцу, и свет из глаз выкатился... Сижу это дураком и смотрю на нее, а сам ничего не понимаю... А она смотрит на меня и смеется... "Что вы, Марфа Ивановна, делаете со мной? - говорю я. - Тятенька проснется - беда"... А она мне: "Никого я не боюсь, Вася, потому что люблю тебя... а тятеньки не боюсь".

- Вот так девка... - изумился Гаврила Иванович. - Четырнадцать лет, говоришь, была?

Экая охаверница...

- Нет, ты это напрасно, - вступился Метелкин, бросая окурок. - Эта Марфа Ивановна совсем особенная женщина... Вон какая она из себя-то, дерево деревом, вся в тятеньку родимого. Кровь в ней, значит, поднялась... А как это она тогда сказала мне: "Вася"... Ну, да что уж тут говорить.

- Обнаковенно... только я думаю так, что не чисто тут дело, не без дьявольского наваждения. Христианской душе прямая погибель через этих самых баб...

- И я то же самое думаю, Гаврила Иваныч, то есть после-то, когда очуствовался, в разум пришел, потому эта сама Марфенька совсем ведь еще дитей была и разных предметов не могла даже понимать. И смелость в ней эта самая - чистый бес, а не девка.

- Чем же это у вас кончилось?

- Да оно, пожалуй, и теперь не кончилось... Видел ведь я сегодня Марфу-то Ивановну... узнала меня... улыбнулась по-своему, а у меня мурашки по спине, захолонуло на душе... и опять: "Вася, такой-сякой... зачем пьешь?.." Ну, разное говорила. Смеется над стариками,

которые увязались за ней. И про своего-то орла сказывала... обошел ее, пес, кругом обошел; как собачка, бегаёт за ним. Понимаешь, себя совсем потеряла.

- Да и парень: чистяк... Ну, так она чего тебе-то говорила?

- Говорила, что уедет в Америку, только это пустое... Уж это верно. Агашков увязался за Марфой Ивановной и не пустит. Крепкий старичок... я его даже очень хорошо знаю. Характер тоже у него... Марфа-то Ивановна теперь, конечно, смеется, а только она по своему женскому разуму совсем даже не понимает людей. Думает, что лучше нет ее-то Серапиена Михалыча, а еще бабушка надвое сказала...

- Послушай-ка, Вася, - остановил Гаврила Иваныч, - а ведь ты мне не обсказал еще своего-то случая, чем у вас дело тогда кончилось.

Метелкин долго не отвечал, делая новый крючок.

- Да чем кончилось - обнаковенно... тоже и я живой человек, совсем ума решился. Как ночь, отец пьяный спит, а Марфа Ивановна ко мне... Жаль мне было ее загубить, ну, какие еще ее годы - четырнадцать лет, а она приста-

ет, покою нет. Ну, и слюбились... Думал я, что женюсь на Марфеньке, потому как на отчаянность пошел... Обнаковенно: в ноги родителю, а там что будет. Ежели, думаю про себя, Иван Семеныч меня по шее, так я или Марфеньку выкраду у него, или себя порешу. И сделал бы, все сделал бы... отчаянность тогда во мне одна была, да и Марфенька все подучивала, как и отцу объявиться и всякое прочее. Ну, а вышло совсем не по-нашему... Выбрали мы денек, когда Иван-то Семеныч совсем трезвый был; приоделся я, помолился богу и пошел в палатку, а сердце так и бьется, как птица. Вхожу. Иван Семеныч на счетах прокладывает, посмотрел на меня и спрашивает: "Ну, что, Вася? Чего ты из лица-то ровно выступил, уж здоров ли?" Добрый он был, ежели в своем виде, ну, а тут этой своей добротой точно он придавил меня, как плитой придавил. Уж я и, тут почуял, что не ладно дело... Ну, сотворил я про себя молитву, да прямо в ноги Ивану Семенычу и объявил начисто: все, как на ладонке, выложил. Думаю, разнесет он меня, раздавит, как щепку, а Иван-то Семеныч сидит да только вздыхает... "Ну, говорит, Вася, запла-

тил ты мне за мое добро, что я тебя, как родного сына, воспитал... Не к тому, говорит, молвлю, чтобы корить тебя куском хлеба, а к тому, что без всякой совести ко мне пришел. Бога ты забыл, Вася... Я на тебя, говорит, и сердиться даже не могу, потому совсем ты меня раздавил своей превеликой подлостью, а только, говорит, скажу тебе одно: Марфа Ивановна - так и назвал ее Марфой Ивановной - сама свою женскую глупость износит, а только я тебе живую ее не отдам - проклянущу. Вот тебе, говорит, мой первый и последний сказ, и даже, говорит, весьма мне за тебя совестно, что ты еще со своей подлостью смел явиться ко мне на глаза". Ну, как он это выговорил, а сам помутнел весь, и слезы у него на глазах, так я и утонул... зарезал он меня своей кротостью.

Метелкин перевел дух и покачал головой, точно она была налита свинцом.

- С Марфой-то Ивановной он все-таки по-свойски разделался - и за косу, и всякое прочее, потому как я, говорит, за свою кровь ответ должен богу дать. А Марфа Ивановна свое... Бились мы, бились, а через родитель-

ское проклятие не посмели переступить, да и жених подвернулся к Марфе Ивановне. Потом вышла она замуж, только, как слухи пошли, нехорошо жила с ним, то есть он-то ее обижал за ее провинность. А я по приискам пустился, пировал, безобразничал... Видал ее издаляка, только подойти боялся. Ну, а теперь вот она с Серапиеном Михалычем ушла от мужа... Все мне рассказала, а сама плачет. "Сняли, говорит, Серапиен Михалыч, с меня мою волю..."

- Шш... хозяин идет, - предупредил Гаврила Иваныч и зашипел опять, как сторожевой гусь.

Флегонт Флегонтович возвращался на свою квартиру нетвердыми ногами, что-то бормотал про себя, улыбался и размахивал руками. Пробравшись в избу, он сунулся на лавку и сейчас же заснул. Теперь я отлично припомнил мельчайшие подробности своей встречи с Марфой Ивановной. Это было на большом сибирском тракте, где на станции мне пришлось ждать лошадей чуть не целый день. На эту же станцию привезли и Ивана Семеновича, который был не в своем виде;

его сопровождала Марфенька. В этой девочке, развитой физически не по летам, меня поразило совершенно особенное выражение глаз, которое уже говорило о понимании "разных предметов".

Осенью встречаю Флегонта Флегонтовича в Екатеринбурге.

- Как ваше дельце? - спрашиваю.

- Какое?

- А с Причиной?

- Ах, да... Знаете, тут вышло маленькое недоразумение. Наше местечко и теперь спорным считается, так никому и не досталось... Помните алеута-то? Ведь его тогда Спирька Косой подвел... а Спирьку подкупил Агашков, а Агашков... Марфа-то Ивановна теперь у Агашкова живет. Да-с... И лучше: старичок-то не надышится на нее, ну, бабенка молоденькая, по крайней мере отдохнет, а алеут-то ее чуть-чуть до смерти не изуродовал. И как ловко алеута поддел Глеб-то Клементич... хе-хе!.. Утожденьем донял молодца, в лоск его спойл, а потом и Марфу Ивановну перетянул за себя... Славная бабочка. Как-нибудь поедемте к ней чай пить... Не хотите? Ну, как знаете,

про себя вам лучше знать!

- А где ваш приказчик Метелкин?

- Метелкин? Бедняга приказал вам долго жить... И черт его знает, что с ним сделалось после этой самой золотой ночи - совсем задурил парень: начал пить, безобразия всем строил... И представьте себе, на чем человек может помешаться: увязался за Марфой Ивановной. Ей-богу... Положим, что он ее знал еще дитей, ну, а все-таки, согласитесь сами, даже смешно: Марфа Ивановна и Метелкин. Конечно, она его жалела по своей доброте и прощала разные глупости, а когда он хворал - даже сама навещала его, но ведь это совсем не то-с. Скоротечная чахотка у Метелкина открылась и в две недели его скрутила.

- А где теперь алеут?

- А кто его знает? Исчез, и только. Много у нас таких-то.

Результаты "золотой ночи" окончательно выяснились только осенью, когда были утверждены произведенные заявки. Собственно, по реке Причинке самые лучшие куски остались спорными, а остальное было разобрано Агашковым, Кривополовым, Ку-

ном и прочей прожорливой и добычливой братией... Флегонт Флегонтович остался на бабах и теперь мечтает о каком-то заветном местечке на реке Чусовой, которое ему обещал предоставить самый наивернейший человек.